попаданец
Игорь Валериев
ЕРМАК
РЕВОЛЮЦИЯ

Попаданец (АСТ)

Игорь Валериев

Ермак. Революция

«Издательство АСТ»
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Валериев И.

Ермак. Революция / И. Валериев — «Издательство АСТ», 2023 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-159841-9

Русско-японская война в этой истории началась 16 августа 1903 года. Россия, используя боевых пловцов и торпедные катера, уверенно разгромила военно-морской флот Японии и английских «добровольцев». На суше, перейдя реку Ялу, подразделения русской армии подошли к Сеулу. Десантом практически полностью захвачен остров Хоккайдо – северная жемчужина Японии. Японская империя на грани краха. Чтобы не допустить её капитуляции, Англия при поддержке САСШ готова начать боевые действия против Российской империи в Туркестане. Теодор Рузвельт под давлением Джона Моргана и Джона Рокфеллера готов направить в помощь Японии американские броненосцы и крейсера. Тимофей Васильевич Аленин-Зейский тяжело ранен. Но, несмотря на это, готов продолжать исполнять свой долг, так как Родина в опасности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-159841-9

© Валериев И., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог 6
Глава 1 11
Глава 2 17
Глава 3 24
Глава 4 30
Глава 5 38
Глава 6 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Игорь Валериев
Ермак. Революция

© Игорь Валериев, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается моему отцу Валерию Ивановичу и любимой жене Людмиле. За их поддержку и помощь.

Автор искренне благодарит всех участников литературного форума «АвторТудей», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу.

Пролог

Я вновь брёл в непроглядной темноте, как после ранения, когда закрыл собой цесаревича.

Брёл, пробиваясь через какую-то вязкую чёрную субстанцию, пытаясь добраться до ярко сверкающей впереди маленькой точки-звёздочки. Каждый шаг я делал с огромным усилием мышц всего тела, а каждый вздох давался всё труднее и труднее.

Меня начала охватывать паника, что ещё немного, и я не смогу вздохнуть. Боль в районе сердца под лопаткой становилась всё сильнее и сильнее, и она сводила судорогой межрёберные мышцы, не давая дышать.

В этот момент увидел, что звёздочка, как и тогда, рванулась ко мне, быстро увеличиваясь в размерах. Она росла, а боль становилась беспощаднее. Вот светящий шар добрался до меня, и перед глазами открылся светлый тоннель. Я сделал шаг в него, ещё один. И тут мне показалось, что я слышу голос Марфы, которая кричит: «Ермак! Стой! Вернись!»

Я повернул голову назад и увидел молодое лицо ведуньи, искаженное в крике. Развернулся к ней. Сделал шаг, второй – яркая вспышка, кажется, я закричал и очнулся.

Я лежал на кровати в больничной палате, в которой больше никого не было. В окна светило яркое солнце. Грудь стягивала тугая повязка. Каждый небольшой полувдох-полувыдох отдавался сильной болью под левой лопаткой.

«Кажется, опять выжил. Промахнулась в который раз красавица с косой», – сказал я про себя те же слова, как и почти тринадцать лет назад в избе Марфы. И тут я застыл, забыв дышать. Дверь в палату открылась, и в помещение собственной персоной вошла Марфа-Мария, которая с усмешкой уставилась на меня.

– Что, герой, очнулся? – с какой-то материнской заботой в голосе произнесла Бутягина, при этом кокетливо поправляя локон волос, который выпал из-под белой косынки с красным крестом.

В свои сорок семь лет женщина выглядела от силы на тридцать, тридцать пять максимум. Я попытался вздохнуть, что удалось мне с трудом, а потом закрыл глаза, крепко зажмурившись. Через несколько секунд, медленно выдыхая, вновь открыл глаза. Мария Петровна в белом халате и косынке никуда не исчезла, а, подойдя к кровати, положила ладонь мне на лоб.

– Всё, жар спал. Кризис миновал. Слава тебе, Господи! Живучий ты, Тимофей Васильевич, как кошка. Точно, девять жизней имеешь в запасе. Местные врачи тебя уже, можно сказать, похоронили. Если бы не профессор Павлов, который, наверное, по воле Бога прибыл неделю назад во Владивосток с инспекцией военно-морского госпиталя, то тебя не удалось бы спасти. А мы с Пашей после операции неделю от твоей постели не отходили, не давая уйти за кромку. Мне пришлось и свой дар задействовать… – Бутягина зябко передёрнула плечами.

Я попытался задать вопрос: «Что за профессор Павлов и как вы здесь оказались?» Но изо рта вырвался только какой-то хрип.

– Сейчас, сейчас! – засуетилась, как и тогда, Мария. Взяв с тумбочки около кровати заварочный чайник, стала из носика поить какой-то горькой дрянью. Сделал пять-шесть глотков, терпя сильную боль в левой лопатке, и устало откинулся на подушку.

– Молодец! Всё! На поправку пошёл! – Мария Петровна поставила чайник на место и села на табурет рядом с кроватью. – А теперь кратко. Ты получил шарик шрапнели в левую половину груди. Пуля остановилась рядом с сердцем, не пробив лопатку. Великий князь Александр Михайлович жив. Дирижабль остался целым. Японцев, захвативших батарею, всех уничтожили. Ты в госпитале находишься уже девятнадцать дней. Шрапнель, пройдя через бекешу, китель и нательную рубаху, занесла ткань глубоко в рану, и у тебя началось внутри нагноение, так как местные эскулапы не рискнули доставать пулю, боясь задеть сердце.

Мария, увидев мои потуги задать вопрос, прижала палец к моим губам.

– Молчи. Тебе нельзя пока говорить. Как я уже сказала, местные врачи поставили на тебе крест. Хорошо, что Павлов Евгений Васильевич здесь оказался. Да, это лейб-хирург, заслуженный профессор Военно-медицинской академии, тайный советник и прочее, прочее, прочее. А самое главное – хирург от Бога. Он тебя с того света и вытащил, достав пулю и прочистив рану. И мы с Пашей немного помогли. Мы новую разработку пенициллина привезли. Выехали сразу, как о твоём ранении узнали. Спасибо Марии Аркадьевне. Она телеграмму прислала.

Я улыбнулся. Узнаю свою жену. Наверное, всех знакомых на уши поставила.

– Из информации – всё. Сейчас несколько ложек питательного бульона. Хватит на физрастворе сидеть. А потом спать. Снотворное ты уже выпил.

Через несколько минут, во время которых впервые после ранения я осознанно проглотил что-то из пищи, пусть и в виде бульона, почувствовал, что веки начали сами закрываться, а сознание куда-то поплыло.

«Какой же раз я уже в этом мире разминулся с костлявой»? – подумал я, с трудом удерживая сознание.

И про этот мир я подумал, не разделяя его на этот и тот свет. Так уж получилось, что матрица сознания, или душа гвардии подполковника спецназа ГРУ Аленина Тимофея Васильевича, то есть моя, каким-то образом пятнадцать лет назад перенеслась из две тысячи восемнадцатого года в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год в тело четырнадцатилетнего казачонка Тимохи Аленина из станицы Черняева Амурского казачьего войска.

За эти пятнадцать лет много чего произошло со мной в этом мире. Теперь я не какой-то Тимоха, а Тимофей Васильевич Аленин-Зейский – подполковник Генерального штаба, флигель-адъютант и начальник Аналитического центра при Николае II. Женат на дочери генерала от инфантерии Беневского и почти два года назад стал отцом здорового бутуза по имени Василий Тимофеевич.

А началось всё с того, что закрыл собой от снайперской пули цесаревича Николая Романова, возвращавшегося из так называемого Восточного путешествия. Потом учёба в Иркутском юнкерском училище, первое офицерское звание. От императора Александра III за спасение сына получил орден Святого Георгия IV степени, потомственное дворянство и приставку Зейский к фамилии. Императрица подарила очень неплохое имение рядом с Гатчиной.

По указанию государя был телохранителем у Николая, когда отец направил его наместником на Дальний Восток. Ещё два раза предотвратил покушения на цесаревича. Потом гонял хунхузов на границе с Китаем, затем академия Генерального штаба, участие в походе в Китай, где отметился при штурме фортов Таку и арсенала Тяньцзиня, участие в обороне Благовещенска и в рейде отряда генерала Ренненкампфа.

Когда взяли Гирин, узнали, что император Александр III, императрица, великий князь Георгий и великая княгиня Ольга заболели брюшным тифом, а потом пришла телеграмма от цесаревича с просьбой-приказом прибыть в столицу.

Прибыл чуть позже похорон Александра III, который дожил в этом мире до двадцать девятого сентября одна тысяча девятисотого года. Может быть, и дольше бы прожил, но был отравлен вместе с женой, Георгием и Ольгой. Николай с беременной супругой и двумя сыновьями остались живы только из-за капризов Елены Филипповны, которой захотелось покататься на яхте. Благодаря чему они и не отведали отравленного компота.

Да-да, жена у Николая не Гессенская муха, а Елена Орлеанская, в православии Елена Филипповна, и у них уже на настоящее время трое детей, включая девятилетнего наследника престола Александра Николаевича, будущего Александра IV.

Аликс же по настоянию королевы Виктории вышла замуж за герцога Йоркского, теперь уже короля Георга Пятого. Так что гемофилия царскому дому Романовых не грозит. А вот как обстоят дела у сына английского короля маленького Эдуарда, надо будет уточнить.

То, что двоюродный брат Николая так рано занял английский трон, произошло из-за того, что его бабушка Виктория, папа – принц Уэльский и храмовый совет, или капитул Великой объединённой ложи Англии, приговорили Александра III со всем семейством к смерти. Причина банальна – снижение прибыли от наркотрафика в Китай и в Россию.

Российский император решил подмять под себя Маньчжурию и Ляодунский полуостров с их двадцатью миллионами населения и запретить свободную продажу опиума и его производных на этой территории и в Российской империи. Этого Александру III не простили в «Большой игре», объявив тайную смертоносную войну.

Меня же Николай отозвал из Китая, чтобы я нашел убийцу и заказчиков, а также подготовил тайный адекватный ответ. Убийцу я и мои помощники нашли в Лондоне и доставили пред очи государя Николая II. Потом был взрыв главного храма английских масонов во время проведения храмового совета верхушки посвящённых, где свадебным генералом присутствовал великий мастер ложи «брат Эдуард», или принц Уэльский.

Этот взрыв храмовый совет и принц не пережили, а сердце мамы принца, то есть королевы Виктории, не выдержало, и она также покинула этот бренный мир. Во время похорон королевы Виктории и принца Уэльского к «жертвам фениев» добавились участвовавшие в процессии премьер-министр маркиз Солсбери и ещё несколько представителей тайного совета Великобритании. Георга и Алису из-за личных чувств Николай попросил не трогать.

На Дальнем Востоке в преддверии Русско-японской войны я оказался по поручению российского императора с официальной инспекторской проверкой. Кроме того, имел тайное поручение напасть на японскую базу Сасебо, используя боевых пловцов и торпедные катера, если микадо не начнёт войны до конца августа 1903 года, так как военные наши силы достигли на Дальнем Востоке в этот момент максимума. И дальше ждать было нельзя, так как, по имеющимся данным, англичане готовились передать японцам несколько броненосцев, которые нивелировали бы наше преимущество на море.

Но японцы не подвели и напали первыми. Как и в моём мире, война началась с подвига крейсера «Варяг». Только не в Чемульпо, а в Мозампо. Наш геройский крейсер принял неравный бой с японской эскадрой, а в помощь ему было задействовано новое оружие Российской империи – боевые пловцы и торпедные катера. Как результат, мы потеряли «Варяг» и один торпедный катер, а Япония – броненосец и семь крейсеров. При этом погиб контр-адмирал Катаока. Потом были Чемульпо и битва основных морских сил в Жёлтом море, после которых Страна восходящего солнца потеряла преимущество на море.

Георг V решился на беспрецедентный шаг, продав-передав Японии шесть броненосцев и четыре броненосных крейсера вместе с экипажами. Во время передачи этих кораблей в порту Бомбей вновь отличились боевые пловцы и торпедные катера, которые умудрились потопить три англо-японских броненосца и три крейсера.

А потом была Цусима, и англо-японский флот перестал существовать. У Японии оставалась надежда на британские семь броненосцев типа «Маджестик» и шесть броненосных крейсеров типа «Кресси», которые на момент моего ранения бункеровались в Сингапуре. Эти корабли вместе с экипажами-добровольцами передавались Японии по схеме ленд-лиза, которую предложили американцы.

Тогда же от Финансиста из Америки пришла информация, что президент Рузвельт рассматривает возможность отправки в Жёлтое море трёх броненосцев типа «Иллинойс», броненосца «Айова» и трёх броненосцев типа «Мэн», также по ленд-лизу с экипажами-добровольцами.

В этой непростой ситуации было решено усилить боевые действия на суше в Корее и на Хоккайдо, вынудив императора Муцухито капитулировать до прихода объединённой англо-американской эскадры. Для устрашения японцев в боевых действиях задействовали дири-

жабль, который осуществил бомбардировку нескольких городов противника, используя в том числе и зажигательные бомбы.

Вот такие события произошли в Русско-японской войне в этом мире, в котором до восемьдесят восьмого года события протекали так же, как и в моём прошлом-будущем.

Особо хочется отметить, что Николай II – не тот рохля, как в моём прошлом, а довольно-таки резкий правитель, который решительно отомстил Британии за гибель родителей, брата и сестры. Гвардейский мятеж великого князя Владимира Александровича буквально утопил в крови.

Ввёл изменения в законодательство Российской империи, которые, с моей подачи, практически полностью копировали сталинскую пятьдесят восьмую статью из прошлого-будущего, что позволило взять за горло и революционеров, и аристократию, и чиновников, и буржуазию.

Два года назад император отменил выкупные платежи для крестьян, готовились ввести конституцию после войны.

Столыпин и Струве в Гродненской губернии по поручению государя проводят аграрную реформу, положительный опыт которой будет применён на всей территории Российской империи.

Я к этим событиям имею непосредственное отношение как доверенное лицо Николая Александровича. Благодаря этому прогрессорствую потихоньку, особенно в военной области. Это и военный дирижабль, и подводная лодка, и боевые пловцы, и торпедные катера, и улучшенные пулемёты Мадсена, Максима, и пистолет-пулемёт специальный, и снайперская винтовка, и прочие военные вундервафли, включая новую тактику боевых действий.

Также в этом мире с моей помощью на сорок лет раньше появился пенициллин или что-то на него похожее. Произвели его с моей подсказки супруги Бутягины, и уже тысячи больных и раненых выжили благодаря этому лекарству. Супруги не только создали сильный антибиотик, но и провели удачные испытания, убедили многих медицинских светил, и теперь в Томске уже больше двух лет действует бактериологический институт с производственными мощностями по изготовлению пенициллина, а также противодифтерийной сыворотки и оспенной вакцины.

Последней мыслью, перед тем как окончательно провалился в сон, была: «Что же, в этом мире время я провёл не зря. Пятнадцать лет урагана, а не жизни, вместо пенсионерского прозябания в прошломбудущем».

Вечером было ещё одно принятие пищи и лекарств, очень болезненная процедура перевязки, а потом более или менее спокойный сон до утра. Утренние процедуры с помощью пожилой сестры милосердия. Завтрак из кашки-размазни. Витаминный коктейль а-ля Бутягины. Потом врачебный консилиум во главе с профессором Павловым над моей тушкой, во время которого мне сообщили, что я пошёл на поправку. Будто я сам этого не почувствовал. До этого были какие-то обрывки воспоминаний, когда приходил на короткое время в себя, а потом опять терял сознание. Снова перевязка под присмотром консилиума, пара уколов, и довольные эскулапы покинули мою палату.

Буквально тут же в неё ворвался Сандро с сияющим лицом. Его сопровождали генерал-губернатор Приморья, генерал-лейтенант Гродеков и комендант крепости Владивосток генерал-майор Воронец.

Подойдя к кровати и выстроившись в шеренгу с великим князем в середине, генералы убрали улыбки с лиц, а Сандро, приняв стойку смирно, торжественно начал:

– Указом его императорского величества Николая Второго, самодержца Всероссийского, царя Польского, великого князя Финляндского…

Великий князь не выдержал и улыбнулся на все тридцать два зуба.

– В общем, нам сказали, что у нас не больше пяти минут для общения, поэтому, Тимофей Васильевич, не буду тянуть и с большой радостью поздравляю вас Свиты его императорского величества генерал-майором, а также орденами Святого Владимира III степени и Святого Ста-

нислава I степени с мечами. Как говорится в указе: «За успешное выполнение тайных специальных операций во время боевых действий против Японской империи, о которых известно ограниченному кругу лиц». Указ секретный.

Я онемел, от удивления в зобу дыханье спёрло. Это каким образом я из подполковников в генерал-майоры, да ещё Свиты его императорского величества, прыгнул. Хотя император может всё! Тем более что я как руководитель Аналитического центра после мятежа проходил уже по лейб-гвардии, к тому же был флигель-адъютантом.

– Поздравляю, Тимофей Васильевич! Вы как никто другой заслужили и звание, и награды! – вслед за Сандро произнёс Гродеков, а за ним поздравил и Воронец.

– А я ещё от себя спасибо хочу сказать, Тимофей Васильевич. Если бы не вы, то японцы точно бы дирижабль расстреляли. И я вместе с экипажем вряд ли выжил бы. А так вовремя сообщили и перерубили конец. Ушли мы из-под обстрела… – Великий князь покрутил головой с таким видом, будто бы ему жмёт ворот кителя.

– Александр Михайлович, я очень рад, что вы остались живы, – с трудом просипел я.

– Не говорите ничего, Тимофей Васильевич. Вам пока нельзя. Выздоравливайте. Как только можно будет с вами поговорить подольше, я вас обязательно навещу. А пока все новости вам будет сообщать Мария Петровна. Очень активная женщина. Настоящий ураган. Она профессору Павлову такое устроила!.. – Сандро хохотнул, а Гродеков и Воронец расцвели улыбками. – Он тоже не хотел делать вам операцию. А она настояла, предложив достать пулю со спины, просверлив лопатку. И Евгений Васильевич согласился. Потом сказал, что эта операция войдёт в историю медицины.

Великий князь задорно, как-то по-мальчишески улыбнулся.

– Всё, мы уходим. Ещё раз спасибо за мою жизнь. Поздравляем! И выздоравливай быстрее. Ники очень ждёт, когда ты вернёшься в строй Свиты его императорского величества генерал-майор. Впереди много ещё надо сделать… – Сандро сделал шаг к кровати и пожал мне руку.

За ним так же попрощались Гродеков и Воронец, после чего все трое покинули палату. Буквально сразу же в неё вошла Бутягина с неизменным заварным чайником в руках. Я сморщился, представив отвратительный вкус того, чем меня сейчас будут поить.

– И не надо морщиться, ваше превосходительство, не маленький. Должен понимать, что все лекарства горькие, невкусные, но их надо принимать, чтобы выздороветь. Так что пей, и до обеда спать. – Закончив говорить, Мария Петровна вставила мне в губы носик чайника.

Мысленно вздохнув про себя, сделал первый глоток, а за ним второй и последующие.

– Молодец! – прокомментировала мои потуги Бутягина. – А теперь спать. После обеда будет десятиминутная политинформация о событиях в мире за последние три недели.

Мне оставалось только вновь глубоко вздохнуть мысленно и закрыть глаза. Тот час, который провёл сегодня в сознании, сильно утомил меня. Пару раз даже испарина на лбу от слабости появлялась. За почти две недели я сбросил килограммов десять веса или больше. Судя по исколотым венам, меня держали на физрастворах. Вероятно, не удавалось кормить и поить. Во всяком случае, в памяти оставались воспоминания, как меня пытались поить чем-то.

Услышал, как Мария вышла из палаты. Глаза открывать почему-то расхотелось, так как потянуло в сон. Крайней мыслью было: «Интересно, чем это меня Марфа-Мария поит, что я так быстро отрубаюсь?»

Глава 1
Новости

После обеда в виде куриного бульона с протёртыми овощами Мария Петровна вместе с Павлом Васильевичем начали рассказывать последние новости. В первую очередь о своей семье, и я искренне порадовался за здоровье уже трех их детишек, оставшихся с родителями главы семейства, которых Бутягин перевёз к себе в Томск. Помимо того, поздравил Павла Васильевича, который стал надворным советником, а к ордену Святого Владимира IV степени добавились вместе с новым чином ордена Святого Станислава и Анны III степени за организацию производства и внедрение ценного для государства и армии лекарства.

Дальше от супругов пошли новости с театра боевых действий.

Наши корабли блокировали побережье Японии, захватывая или топя все суда с контрабандой, которые пытались прорваться через эту блокаду. Особенно доставалось судам под английским и американским флагами, что породило грандиозную панику на Лондонской и Нью-Йоркской фондовых биржах, а также в ассоциации морских страховщиков.

С рыбной ловлей в прибрежных водах у японцев теперь тоже проблемы. Рыбацкими суденышками после участия в десантной операции занялись вспомогательные крейсера «Петербург», «Херсон», «Саратов» и «Орёл» с торпедными катерами на борту, которые полностью перекрыли японцам добычу морепродуктов. В результате этого появилась информация о начинающемся голоде в прибрежных городках и посёлках Японии.

Хоккайдо полностью оккупировано. С острова начали вывозить во Владивосток уголь, железную руду, марганец и другие полезные ископаемые. Ещё одним ресурсом, который стали вывозить с Хоккайдо, стали айны.

Айны, что в переводе с их языка означало «настоящий человек», являлись исторически древнейшим народом, когда-то заселявшим все японские острова, но за полторы тысячи лет они оказались практически уничтожены или ассимилированы японцами. Ярким примером геноцида этого народа служила судьба курильских айнов.

Сорок девять лет назад по трактату, подписанному в городе Симода, Сахалин находился в общем японско-русском пользовании, а Курильские острова разделены, при этом Япония владела грядой Хабомаи, Кунаширом и Итурупом, а Россия – островами от Урупа до Шумушу. И курильские айны более тяготели к русским, нежели к японцам, так как многие из них к этому времени владели русским языком и были православными.

Причина подобного положения вещей заключалась в том, что ещё в 1777 году российское подданство приняли полторы тысячи айнов на островах Итуруп, Кунашир и Хоккайдо. Они были освобождены от податей, а от русских получали железо, скот, снасти, переняли православную веру, а главное – получили защиту от японцев. Дружественным отношениям способствовала и внешняя схожесть айнов с русскими. В начале XIX века японцы знали, что на Хоккайдо живут русские подданные, этот факт засвидетельствован в письме Александра I японскому императору.

Однако Санкт-Петербург оказался слишком далеко от Курил. Первые претензии японцев к России по поводу Курил и Сахалина датируются 1845 годом. Как уже упомянуто выше, после переговоров 1855 года Сахалин оказался в совместном владении России и Японии, к которой отошли острова Кунашир, Итуруп и Хабомаи.

Японцы, которые воевали с айнами более полутора тысячи лет, сделали все, чтобы уничтожить своих давних врагов на Сахалине. Японские рыбаки перегораживали устья рек сетями, и рыба не заходила в реки. Иметь собственные снасти для морской рыбалки айнам запрещалось, и они голодали.

В 1875 году Сахалин стал российским, а Курильская гряда отошла Стране восходящего солнца. В результате этого курильские айны, которых японцы ненавидели, оказались на положении рабов. Им запретили торговать с русскими, уничтожили часовни. Айнов согнали в резервацию, где они не имели возможности вести традиционный образ жизни. Многие умерли в тот же год от голода и болезней.

Оставшиеся в живых работали на японцев за горсть риса и чашку саке. Но вскоре все они были вывезены на бесплодный, каменистый остров Шикотан, где их оставили умирать от голода. К тому моменту, когда в Европе узнали о судьбе курильских айнов, их осталось на Шикотане всего двадцать человек. Резервацию ликвидировали. Уцелевшую горстку, больных и обнищавших, вывезли на Хоккайдо, где айнов, которым когда-то принадлежал этот остров, проживало теперь всего около двадцати тысяч, а японцев – почти восемьсот пятьдесят тысяч.

Среди айнов на Хоккайдо распространили информацию, что российский император забирает под свою руку Сахалин и Курильские острова, и он будет рад их видеть в числе своих подданных на этих землях. И началось переселение народа. Тем более что для организации их быта на новом месте надо было куда меньше средств, чем для русских переселенцев и казаков на Дальний Восток, так как этот народ издревле привык жить за счет охоты и рыбалки.

Данная операция задумывалась заранее. Увеличить население Российской империи на Сахалине и Курилах на двадцать тысяч лояльных граждан с минимальными экономическими затратами было удачным решением, предложенным генерал-губернатором Гродековым.

И теперь этот социально-экономический ход быстро осуществлялся, можно сказать, за счёт японцев, у которых на Хоккайдо были реквизированы все средства ловли, что также входило в экономическую составляющую боевых действий с Японской империей.

При планировании этой войны одной из главных задач, которую Российская империя ставила перед собой, была максимализация потерь японцев. Во всех отношениях – в людях, кораблях, финансах, ресурсах.

Правительство Японии поставило на эту войну всё, и если (точнее, когда) они окончательно проиграют, то не получат после войны тех ресурсов, которые им удалось прибрать к рукам в моём прошлом-будущем. Как следствие, Япония лет на пятнадцать-двадцать погрузится в жесточайший политический и социально-экономический кризис. Огромные людские потери, особенно среди крепких мужчин, впоследствии вызовут демографическую катастрофу. Плюс к этому полная гибель военного, частичная торгового и рыболовного флотов. Чудовищные внешние долги перед САСШ и Англией, которые те вытребуют любыми средствами.

«А если учесть, что Япония не получит ресурсов Кореи, Ляодунского полуострова, Маньчжурии, Сахалина и Курил, а чем черт не шутит – и Хоккайдо, то… – я аж зажмурился от удовольствия. – Какие пятнадцать-двадцать, как минимум полвека Япония будет приходить в себя. А в это время у нас на Дальнем Востоке будут развязаны руки, и его заселение и развитие пойдет более быстрыми темпами. В том прошлом-будущем после поражения в Русско-японской войне Дальний Восток, можно сказать, зачах. Японцы не позволяли нам здесь делать практически ничего, что в Российской империи, что потом в Советском Союзе. И длилось это до капитуляции Японии в 1945 году. А это сорок потерянных лет. Сейчас же здесь всё может повернуться по-другому».

От этих мыслей, которые пролетали у меня в голове, пока внимательно слушал Бутягина, вновь удовлетворённо улыбнулся.

Следующей новостью стали события в Корее. Там русским войскам удалось выбить японцев из Сеула, куда уже вернулся император Коджон со своими сыновьями и наследником. Японцы же отошли к Тэгу, где вновь сели в оборону. В этом городе находились военные и продовольственные склады императорской армии. Туда же подтянулись японские части из гарнизонов прибрежных южных городов: Пусана, Масана, Ульсана и многих других.

По информации, которую Бутягину сообщил Сандро, в результате этой поддержки у генерала Куроки под командованием находилось порядка 35 батальонов пехоты, 10 эскадронов кавалерии, 3 саперных батальона, 115 полевых орудий и около двадцати тысяч носильщиков. Всего около восьмидесяти тысяч человек.

С нашей стороны к штурму Тэгу готовилось чуть больше ста тысяч человек при двухстах орудиях. И этот штурм надо провести как можно быстрее, так как до муссонных дождей на юге Кореи остается чуть больше трёх недель.

К тому же возможен приход в Желтое море американской и английской эскадр. Как оказалось, в Сингапуре опять отметились боевые пловцы и торпедные катера с «Риона», потопив три броненосца и крейсер. Если к англичанам присоединятся американцы, то в этом случае мы будем иметь семь наших броненосцев против одиннадцати противника. И пять на пять броненосных крейсеров.

И снова надежда на боевых пловцов и вспомогательные крейсера с «Барракудами». Те, что крутятся сейчас вокруг Японии, надо будет срочно отправлять навстречу американской эскадре. Те пока наверняка беспечны на стоянках в порту, в отличие от англичан, которые потеряли на рейде уже не один броненосец и броненосный крейсер.

– Павел Васильевич, а американская эскадра вышла в Жёлтое море? – с трудом произнося слова, перебил я вопросом Бутягина, который продолжал рассказывать о ситуации в Корее и о том, какие меры принимает генерал Линевич для разгрома японских войск.

– Насколько мне известно, Тимофей Васильевич, ещё нет. Но вы сами знаете, как к нам новости из Нового Света доходят. Слышал от великого князя Александра Михайловича, что у президента Рузвельта какие-то проблемы в конгрессе по ратификации передачи эскадры по ленд-лизу с экипажами «добровольцев». Оппозиционные демократы единогласно против, да и многие республиканцы их поддерживают, так как помнят приход русской эскадры во время Гражданской войны, защитившей Север от англичан. – Бутягин развел руки в сторону, чуть не задев супругу. – Но у этих американцев семь пятниц на неделе, и всем заведует доллар. Так что… Всё возможно. Да и англичане ещё могут кораблей добавить в «добровольцы». Так что надо быстрее всё в Корее заканчивать. Тогда японскому императору придётся капитулировать.

– Особенно если мы высадим десант на остров Садо, лишив Японию их главного золотого прииска, – вставила свои пять копеек Мария Петровна.

– Заманчивое предложение, – произнёс я и попытался улыбнуться, но сморщился от боли, простреливший под лопаткой.

Это тут же заметила Бутягина и не терпящим возражения голосом произнесла:

– Всё, господа, информационная десятиминутка закончена. Тимофей Васильевич, вам вновь принимать лекарства и спать. Сон лечит лучше всего. И не возражать.

– А что я ночью буду делать? – терпя боль, произнёс я.

– Спать. Это я гарантирую без вреда для здоровья. Кое-какой запас необходимых настоек и лекарств взяла специально для вас, ваше превосходительство, – выделяя звание, с сарказмом произнесла Марфа-Мария, глядя на меня как на несмышлёныша.

– Я всё понял, – выдавил я из себя, приготовившись глотать очередную гадость.

После того как меня напоили лекарствами, и я справил с помощью санитара свои естественные надобности, остался в палате один. Борясь с подкатывающей дремотой, подумал о том, что действительно задачей номер один сейчас является окончательный разгром японцев в Корее. Это необходимо осуществлять с усиленной блокадой побережья и бомбардировками городов Японии, пока хватит ресурсов у моторов дирижабля.

«Интересно, как там браты?!» – практически засыпая, подумал я.

После того как усиленная сотня Тура спасла императора Коджона, Антип Григорьевич Верхотуров стал первым казаком Амурского казачьего войска, а может, и всего казачьего вой-

ска или всей Российской империи, кто имеет золотую медаль «За храбрость» с ношением на груди, полный бант знаков отличия ордена Святого Георгия и орден Георгия IV степени.

При мысли о Туре в голове всплыла история Карла Ивановича Вашатко, чеха, который во время Первой мировой войны в том моём прошлом-будущем был награждён Георгиевской медалью II, III, IV степеней, Георгиевскими крестами I, II, III, IV степеней, Георгиевским крестом с лавровой ветвью. Такую награду присуждали в 1917 году по решению солдатской полковой Георгиевской Думы за личную храбрость офицера в бою. И орденом Святого Георгия IV степени. Вот такой иконостас у человека за личную храбрость. И это за два года войны. Попалась мне тогда информация в Интернете, а сейчас неожиданно всплыла в памяти.

Что касается Верхотурова, то, пользуясь статутом ордена Святого Георгия, Туру присвоили ещё и звание хорунжий, так что у нас в станице Черняева теперь четыре офицера из простых казаков, а трое ещё и потомственными дворянами стали.

Других участников того рейда по спасению императора Кореи без наград также не оставили. Леший получил повышение в звании до зауряд-хорунжего, Шило – подхорунжего и солдатский Георгий II степени. Такие знаки разных степеней получили и другие браты.

«Лишь бы выжили в этой круговерти войны», – подумал я, проваливаясь в сон.

* * *

– Господин хорунжий, вашей сотне поручается ответственное и опасное задание, которое заключается в захвате штаба противника, который, по разведданным, располагается в старой крепости Тэгу. – Генерал-майор Огановский Пётр Иванович ткнул карандашом в точку на карте-схеме города Тэгу. – Основной вход в крепость осуществляется через центральные или первые ворота Ённам, охраняемый караулом из четырёх стрелков. В самой крепости расположено до батальона пехоты и солдат тыловых служб, на которых возложена охрана и обслуживание работы штаба генерала Куроки.

Пётр Иванович, исполняющий обязанности генерала-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии, на которого были возложены вопросы разведки и контрразведки, положив карандаш на карту, посмотрел в глаза хорунжему Верхотурову.

– Антип Григорьевич, задание, можно сказать, невыполнимое, но его надо выполнить. Мы должны не допустить нового организованного отхода японцев на другую позицию. А для этого их необходимо лишить командования. Генерал Куроки – старый хитрый лис. Он уже дважды оставлял нас с носом, вырываясь из капкана. Через несколько недель начнутся муссонные дожди, до которых нам необходимо разбить японцев. Этого требует от нас государь! – Огановский расправил пальцем свои шикарные усы и продолжил: – Да! Этого требует государь! Что вам потребуется для выполнения этого задания?

– Мне надо подумать, ваше превосходительство. Осмотреться на местности. – Хорунжий задумчиво, не замечая этого, начал крутить пальцами правый ус.

Генерал молчал, ожидая, что ещё скажет казак.

– А когда и каким образом планируется штурм Тэгу? – словно очнувшись, задал вопрос Верхотуров.

– Через четыре дня, рано утром, после артиллерийской подготовки двумя штурмовыми колоннами вдоль железного полотна и через перевал Пхальджорён, по которому во времена династии Чосон пролегала основная дорога между Сеулом и Пусаном.

– Тогда разрешите провести разведку на местности, ваше превосходительство?

– Разрешаю.

Получив разрешение, хорунжий покинул палатку генерала-квартирмейстера и направился к биваку своей сотни.

– Что делать будем? – задал вопрос Верхотуров, оглядев собранных станичников-братов.

– Надо сходить посмотреть на эту старую крепость, – задумчиво произнёс Леший.

– А мне кажется, сначала надо определиться с приказом. Что значит захватить штаб? – веско пробасил вахмистр Подшивалов. – Взять живыми и притащить в наше расположение генерала Куроки и ещё кого-то из его окружения? Думаю, второй раз у нас это не выйдет. Это не с бивака выкрасть, а из центра города, в котором и вокруг которого восемьдесят тысяч войск.

– Шило прав. С генералами не вырвемся из города. Если только захватить всю крепость и попробовать удержаться до прихода наших. – Это уже вставил свои пять копеек Шах, или старший урядник Шохирев.

– По мне, так разнести всё там гранатами к чертовой матери, а потом провести зачистку и делать из крепости ноги, – эмоционально высказал своё мнение Ус.

После его слов возникла пауза, которую прервал Тур.

– Итак, имеем три варианта. Первый – захват генерала Куроки и других генералов и офицеров японского штаба, затем доставка их в наше расположение. Можно сказать, невыполнимый вариант. Второй – захват штаба и удержание старой крепости до подхода наших войск. Более выполнимый план, но с большими, я бы уточнил – с огромными потерями. Третий вариант – уничтожение, а не захват штаба. Здесь, если действовать ночью или под утро, то есть возможность всё провернуть тихо и незаметно, используя глушители и холодное оружие. Только боюсь, этот план наше командование не утвердит. Если бы штаб надо было уничтожить, то генерал Огановский так бы и приказал.

Хорунжий закончил говорить и, задумавшись, замолчал.

– Надо в город идти. Может быть, там, рядом с этой старой крепостью, есть какие-нибудь подземелья или другие схроны, где можно будет по-тихому, с добычей в виде генералов дождаться освобождения города нашими войсками. В этом случае нас одних хватит, – прервал молчание зауряд-хорунжий Лесков, он же Леший.

– И кто пойдёт? И в каком виде? – тут же среагировал Тур.

– Шах, Савва, ты и я под видом китайцев-носильщиков, как самые чернявые. За корейцев не прокатим, как говорит Ермак. А так в шляпах, да с косами, может, и сойдём. Тем более что среди носильщиков китайцев много. – Леший на секунду прервался, задумавшись, а потом продолжил: – А ещё с собой прихватим корейского командира Хиена и кого-нибудь из его людей, кто бывал в Тэгу.

– Хиен – это бывший юнкер российского Чугуевского военного училища, который корейским партизанским отрядом командует? – уточнил хорунжий.

– Он самый. Хиен Хон Кин, так, кажется, полностью. Его отряд под Сеулом к нам присоединился. Их обычно для разведки используют. Они недалеко от нас стоят. Я этого Хиена вчера видел, – уточнил Савва, или старший урядник Раздобреев.

– А вот это отличная мысль, браты. Леший, ты молодец. Пойдём-ка, Савва, с тобой искать этого Кина, раз ты его знаешь. Шах, ты готовишь одежду на четверых, плюс шляпы с косами, а ты, Леший, с остальными прикинь, как нам в город пройти. Если договоримся с корейцами, выходим сегодня в ночь. Из оружия берём только ножи и револьверы с глушителями.

– А нам чего делать, пока вас не будет? – поинтересовался Шило, который оставался за старшего при уходе Тура и Лешего в разведку.

– А вы как обычно. Тренируетесь. Готовите оружие и снаряжение. Как мне сказали, через четыре дня рано утром будет штурм Тэгу, – ответил Верхотуров.

– Значит, всё-таки решил по-тихому изъять Куроки и дождаться нашего подхода? – утвердительно спросил Шило.

– Как по мне, браты, так это самый оптимальный вариант. Особенно если корейцы помогут. Надо сходить в город и схрон найти рядом с крепостью или в самой крепости. Если такой найдём, то тогда будем придерживаться этого плана… – Хорунжий сделал паузу. – После разведки всё решим окончательно. А пока, браты, за дело.

– Тур, а может, ты не пойдёшь в разведку. Не дай бог, что случится, кто сотней командовать будет? Все уже привыкли, что ты командир. Не дело сотнику под видом носильщика в пасть к противнику лезть. Тем более какой из тебя китаец, а тем более кореец или японец, – мрачно произнёс молчавший до этого старший урядник Чупров.

– Слушай, Тур, а Чуб прав. Ты теперь командир сотни. Усиленной сотни. Как говорил Ермак, с определённой должности ты уже не принадлежишь самому себе и вынужден действовать так, как этого требуют обстоятельства и должностные обязанности. Так что твоё место с сотней, – быстро произнёс Леший.

– Поддерживаю, – одним за другим произнесли все остальные казаки, глядя в глаза командиру, и тот был вынужден согласно кивнуть.

Глава 2
Тэгу

– Значит так, господин зауряд-хорунжий, генерал Куроки, вернее всего, находится вон в том здании. – Бывший юнкер Чугуевского пехотного юнкерского училища Хиен показал на относительно небольшой дом-ханок, который располагался у Сомун – западных ворот крепости.

– Как думаете, господин юнкер, охрана там, как всегда? – задумчиво спросил Леший.

– Думаю, да. Два стрелка на входе, которых меняют каждые три часа из общего караула крепости. Сколько ещё внутри – не знаю, но не больше шести военнослужащих. Из них пара офицеров, вернее всего, адъютантов. За две ночи я большего количества не видел. Служанок тоже не видел. Об этом я уже рассказывал, – быстро, но тихо ответил Хиен.

– Тогда действуем, как договаривались, – чуть громче произнёс хорунжий, не боясь, что его услышит противник.

На что браты и Хиен согласно кивнули головами и раскатали маски-шапочки. Кто-то поправил каску, кто – автомат. В общем, народ, нервничая, действовал на подсознании, ожидая команды на начало операции. И она последовала:

– Савва, Сыч, вперёд!

Три дня назад Антип Верхотуров и Савватей Раздобреев нашли командира корейского партизанского отряда – бывшего юнкера Хиена Хон Кина. Когда тот выслушал предложение, то назвал желание участвовать в разведке казаков, замаскированных под китайцев, самоубийством. Если в сумерках или ночью они ещё могли быть принятыми за подданных китайского императора, то в светлое время суток будут тут же раскрыты.

Поэтому Хиен предложил другой вариант разведывательной операции. В Тэгу он пойдёт один. В этом городе он не раз бывал в детстве. Его родной дядя был човомбой буддийского храма. Это что-то типа заместителя настоятеля храма по административной и материальной части. Грубо говоря – завхоз. А храм этот примыкал к стене старой крепости, где располагался штаб генерала Куроки.

От этой информации Верхотуров тогда пришёл в состояние экстаза и согласился со всеми требованиями Хиена, которых было всего два. Первое: он идёт на разведку один. Второе: он потом принимает участие в захвате штаба.

Двое с половиной суток нервотрёпки-ожидания – и корейский партизан целым и здоровым вернулся в расположение русских войск. Сведения, которые он принёс, были просто шикарными.

Генерала Куроки можно было выкрасть и спрятаться с ним в подземелье крепости. Входы в него дядя Хиена показал, как и примерную схему. Единственным условием човомбы было на территорию монастыря с пленённым генералом не приходить, а переждать в другом месте. Благо подземелья были разветвлёнными под всей территорией крепости с приличным количеством входов-выходов.

Японцы о них если и знали, то вряд ли имели схему подземелий. Тем более что даже монахи не знали её всю. Только те ответвления, которые были рядом с храмом.

Хиен даже нашёл место в подземелье с двумя выходами рядом, где можно будет пересидеть бой за город, и отнёс туда факелы, масляную лампу, воду, сушеное мясо, сухари, которыми его снабдил дядя. Хватит на десять человек суток на трое-четверо.

Судя по всему, господин Хиен решил попробовать стать российским потомственным дворянином. При сильном везении это могло получиться. Оставалось только уговорить генерал-майора Огановского присвоить перед началом операции Хиену звание зауряд-хорунжего,

благо он бывший юнкер, почти закончивший второй класс военного училища. А дальше захватить и живым доставить русскому командованию генерала Куроки. В общем, вероятность сделать это… Точно не пятьдесят на пятьдесят. Но попробовать можно. Георгия IV степени зауряд-хорунжии при удаче точно получат, а с ним и потомственное дворянство.

На захват штаба решили идти двумя тройками. Первая: Леший, Савва, Сыч. Вторая: Шах, Ус и Чуб. Хиен идёт проводником. Из оружия метательные ножи, два револьвера с глушителями на каждого, ППСы у братов и пулемёт Мадсена у Хиена, а также гранаты, включая и осветительные на случай дорого продать свои жизни.

Тур и Шило оставались командовать усиленной сотней, которая пойдёт на острие атаки русских войск на город через перевал Пхальджорён. От него намного ближе к старой крепости и к выходам из подземелья, где будет прятаться группа захвата.

Данный план генерал-майор Огановский утвердил и согласовал с командующим русскими войсками в Корее генерал-лейтенантом Линевичем. И вот теперь наступала его основная фаза.

Ночью группа захвата, переодетая под китайских носильщиков, во главе с Хиеном, который изображал корейского купца, вошли в город с конной повозкой. В ней под мешками с рисом было спрятано оружие и снаряжение. Хиен чётко распределил роли братов и несколько раз отрепетировал их поведение в городе, особенно при прохождении японских постов. Таким образом он вместе со своими людьми несколько раз ходил в разведку в занятые японцами населённые пункты.

Можно было и их послать на захват штаба японской армии, только вот эти партизаны не имели такого боевого опыта, как браты. Плюс специальное вооружение, тактические наработки и прочее, прочее, прочее. Такой подготовки, которую имели инструкторы боевой группы Аналитического центра, в Российской армии не было ни у кого. А значит, шанс захвата штаба повышался.

Добравшись до тупика у крепостной стены, намеченного Хиеном для проникновения в старую крепость, группа захвата переоделась и вооружилась. С помощью двух кошек поднялись на стену и осмотрелись. Увидев цель в виде дома, где, со слов корейца, два раза ночевал генерал Куроки, соскользнули с помощью верёвок внутрь крепости и цепочкой, избегая освещенных участков, двинулись к дому.

Со слов Хиена и по нарисованной им схеме, дом представлял собой стандартный Г-образный кивачип, то есть дом с черепичной крышей, в котором раньше проживал комендант старой крепости. Им надо было тихо и незаметно пробраться в мужскую половину дома, так называемое саранче, которое служит для проживания главы дома. Как считал командир корейского партизанского отряда, генерал Куроки, а возможно, и генерал Оку могут находиться там.

Он наблюдал за этим зданием два вечера и две ночи, при этом видел, как в нём тогда ночевал генерал Куроки. Его Хон Кин знал в лицо, так как видел его портрет в корейских и японских газетах. Также в этом доме один раз ночевал ещё один японский генерал. Генерала армии Оку Ясуката он в лицо не знал, но в старой крепости могли находиться только два человека с погонами генерала армии – это Куроки и Оку. Тем более что позже в штабе Хиен опознал генерала Оку по представленным снимкам в газетах.

«И если фортуна, как говорит Ермак, не повернётся к нам филейной частью, то повезет захватить сразу двух японских генералов», – такие мысли пронеслись в голове Лешего, после чего он отвёл левую руку назад, подавая идущим за ним бойцам сигнал «стоп».

Начиналась самая неприятная фаза операции. Для скрытного проникновения в дом надо было проскользнуть мимо южной стены дома, на которую пусть и слабо, но падал свет от двух фонарей, горящих у двери центрального входа. При этом у этого входа в дом застыл караул из двух часовых. А если провести прямую линию от входа на север, то упрешься в центральные ворота, охраняемые четвёркой стрелков. До их смены оставался ещё час, как и до рассвета.

Первым через освещённый участок просочился Леший, дождавшись, когда луна скроется за облаком. Следом через пару минут к Лешему присоединился Сыч, а дальше фортуна улыбнулась группе захвата на ширину приклада. Один из светильников, как раз с нужной стороны, погас. Видимо, закончился керосин или масло. Часовые же, как стояли застывшими истуканами, так и остались стоять, неся караульную службу.

Ещё несколько минут, и Сыч первым проскользнул в кухню. Своё прозвище старший урядник Савин Евгений получил в первом десятке за умение хорошо видеть ночью.

Держа в руке не метательный нож, а переделанный с рукояткой игольчатый четырёхгранный штык от трехлинейки, казак медленно и бесшумно перемещался по комнате. За ним, страхуя, двигался Леший, держа наган с глушителем двумя руками. Его прикрывал Савва.

Тёмное пятно на полу в углу, тихое посапывание и характерный запах обмоток… Сыч склонился над спящим на боку солдатом и, дождавшись его выдоха, резко ударил штыком в ухо. Тихий хруст, всхлипвздох, японец пару раз дёрнулся и застыл.

Сыч повернулся к Лешему, который стоял, подняв согнутую левую руку со сжатым кулаком. Это была команда «замри». Тройка бойцов застыла, прислушиваясь. В доме царила звенящая тишина. За его пределами слышался шум спящего военного лагеря. Секунд через двадцать Лесков показал на дверь, за которой, как правило, в корейских домах находилась хэнначе – комната для прислуги, где те и ночевали.

Савин, медленно переставляя ноги, двинулся к двери, осторожно сдвинул её и вошёл в комнату, тут же сместившись в сторону от проёма, в котором возник Леший. На полу, укрывшись одеялами, лежали две фигуры. Сыч, скользнув к ближайшей, опустился на колено, занеся штык для удара. В этот момент соседнее тело завозилось и попыталось сесть. Почти одновременно хлопнул выстрел, раздались звук попадания пули в голову японского стрелка и стук штыка, который, пробив череп другому солдату, уткнулся в пол.

Тройка бойцов замерла, вслушиваясь в тишину. Звуки в помещении получились довольно громкими, и была вероятность, что находящиеся в доме японцы их услышали. Правда, звук выстрела из револьвера с глушителем – это не выстрел из револьвера без него. А чтобы понять, что стреляли с глушителем, надо было хотя бы несколько раз услышать этот звук. Так что была надежда, что даже если этот шум кого-то и разбудил, то не вызвал решения объявить тревогу.

Через несколько секунд тишины Леший освободил проход, и Сыч вновь занял место во главе атакующей тройки. Между тем в комнату почти бесшумно просочилась вторая тройка, которая должна будет перекрыть комнаты, где, вернее всего, будут ночевать адъютанты генералов.

У этой тройки бойцов на острие атаки шёл Филиппов Устин с позывным Ус, также вооружённый переделанным штыком от трёхлинейки, которым так удобно было отправлять на тот свет спящего противника.

Первая тройка двинулась в сторону саранче, которая располагалась в восточной части дома. Вторая тройка направилась через террасу к комнате, где могли ночевать японские офицеры.

Сыч между тем сменил оружие. Вместо штыка, который он убрал в ножны на бедре, у него в правой руке появилась кожаная колбаска с песком, а в левой – фонарь Майселля – Хьюберта. При захвате высокопоставленного пленника было решено сначала его оглушить, а потом усыпить эфиром и в таком состоянии доставить в подземелье.

Сыч, Леший и Савва тихо прошли садан – комнату с алтарём, в которой корейцами почитаются духи умерших предков. Дальше по схеме – комната главы дома, где и должен был располагаться генерал Куроки, а возможно, и генерал Оку.

Чуть помедлив, старший урядник сдвинул дверь в сторону и проскользнул в комнату. Лежанка-матрас, на которой кто-то расположился, дальше – ещё одна. Евгений вдоль стены двинулся к дальней, можно сказать, местной кровати.

Встав между лежанками, казак навёл на лежащее тело фонарь и нажал кнопку. В луче света оказалось лицо генерала Оку Ясуката, которое, как и генерала Куроки изучили и запомнили перед началом операции по имеющимся в русском штабе фото. Тут же выверенный удар кожаной колбаской по затылку. Разворот в сторону другой лежанки, и Сыч увидел, как севший на матрасе генерал Куроки потянулся к сабле, которая лежала недалеко от изголовья лежанки. Стремительный длинный шаг вперёд и удар колбаской по маковке ещё одному генералу. Тот упал на бок, так и не успев дотянуться до холодного оружия.

Сыч нажал на кнопку, выключая свет фонаря. Лунного освещения через окно вполне хватало, чтобы спокойно ориентироваться в комнате. Савва, как было спланировано, достал из сумки на ремне небольшую фляжку с эфиром и платком. Смочив его, опустился на колени перед Куроки, перевернул того на спину и положил платок ему на рот и нос. Три вздоха генерала, и Савватей быстро переместился к Оку, сделав наркоз и командующему 2-й японской армии.

Дальше вместе с Сычом Савва надели на генералов их форму, несколько провозившись с сапогами. Связали руки спереди и приготовились к выдвижению. По плану сейчас в саранче должна была прийти вторая тройка, а дальше – выдвижение к складу в крепостной стене, где находится замаскированный вход в подземелье.

К сожалению, Хиену во время разведки не удалось открыть дверь со стороны подземелья, чтобы ознакомиться с помещением склада, поэтому оставалось надеяться только на удачу. В проёме двери мелькнул Шах, показав, что всё в порядке. Леший помог закинуть генералов на спину Сычу и Савве, после чего группа захвата направилась на кухню, чтобы из неё двинуться в сторону склада. Хиен, оставшийся сторожить этот вход с пулемётом, должен будет довести их до входа в подземелье.

– Чёрт! Замок! – тихо, но эмоционально прошептал юнкер.

Леший, подойдя к двери склада, покачал головой, рассмотрев массивный амбарный замок.

– Ты же говорил, что склад не запирается на ночь? – тихо спросил он Хиена, который пока носил юнкерские погоны, так как приказ на присвоение ему зауряд-хорунжего не успел прийти в сотню до начала операции.

– Когда наблюдал за крепостью, то не запирался, а сегодня заперт, – тихо ответил кореец.

– Чуб, посмотри замок, может, сможешь открыть, – скомандовал Леший.

Томительные пять минут, во время которых тишину нарушали только тихий скрежет отмычек в замке да тяжёлое сопение Сыча и Саввы, которые так и продолжали держать генералов у себя на спине.

Наконец дужка замка откинулась, и Чуб осторожно вынул замок из петель. После чего потянул створку ворот на себя. Раздавшийся громкий скрип, казалось, разбудит всю крепость.

Казаки с пленниками застыли, затаив дыхание. Прошло несколько томительных секунд, и можно было бы сказать, что удача не оставила группу захвата, но это оказалось не так.

Метрах в пятнадцати от входа на склад отворилась дверь другого помещения, также расположенного в стене крепости, и наружу выглянул японский унтер-офицер, державший в руках зажженный фонарь. Несколько секунд всматривался в стоящие перед ним фигуры казаков, а потом заорал:

– О́ни! О́ни! О́ни![1]

---

[1] О́ни – в японской мифологии злобные клыкастые и рогатые человекоподобные демоны с красной, голубой или чёрной кожей, живущие в Дзигоку, японском аналоге Ада.

Бросив фонарь на землю, унтер завизжал, а потом, выхватив кю-гунто[2], продолжая визжать с безумным лицом бросился на группу захвата, подняв над собой саблю-меч.

Первым среагировал Леший, выпустив в набегающего японца две пули. Одна пробила тому голову, вторая – грудь. Унтер-офицер упал, оборвав крик, но следом за ним из открытой двери вышли два японских солдата, один из которых держал в руке винтовку. Закашляли револьверы с глушителями, и любопытные бойцы также легли на землю, получив по нескольку пуль в голову и грудь.

В этот момент раздался хлесткий винтовочный выстрел со стороны дома, откуда были похищены генералы. Резко развернувшийся Шах увидел двух часовых, один из которых перезаряжал винтовку, а второй целился в них. Шохирев выстрелил навскидку, понимая, что из револьвера с глушителем поразить цель на расстоянии около двухсот шагов просто не реально.

Его выстрел совпал с выстрелом второго часового. И если Георгий ожидаемо промахнулся, то японский стрелок нет. Громко вскрикнув, Сыч вместе с генералом Оку, которого держал на спине, упал на землю. И в это время басовито, патронов на десять пророкотал пулемет Хиена. Корейский партизан оказался неплохим пулемётчиком. Обоих часовых снесло, как городошные чурки, когда в них попадает бита.

– Быстро все в склад! Хиен, ищи вход! Шах, Ус, Чуб, взяли Сыча и генерала! Быстрее! Быстрее! – Леший, раздав команды, сделал несколько быстрых шагов, подойдя к застывшему корейцу, и хлопнул того по плечу. – Юнкер, очнись! Ищи вход в подземелье! Иначе все здесь поляжем!

Толкнув Хиена, Леший вновь первым среагировал ещё на двух солдат, появившихся из двери, откуда первым вышел унтер. Две двойки, два упавших тела, лязг винтовок, ударившихся о землю, и Владимир, сунув разряженный наган в кобуру, перекинул из-за спины ППС. Тайная операция полетела к чертям, и теперь оставалось только дорого продать свои жизни, если не удастся быстро найти вход в подземелье.

Зайдя последним в склад, Леший закрыл за собой дверь. Японских солдат, прикрывая створку, он не увидел, и можно было надеяться на несколько минут покоя, пока кто-либо из противников не сунется в это хранилище. Да и на складе их надо ещё найти, так как помещение было приличным по размерам. В лучах света от фонариков Лесков успел рассмотреть заставленный стеллажами зал длиной шагов в сто и шириной где-то в десять аршин.

Хиен устремился к дальней от входа на склад стене, за ним шёл Савва с генералом Куроки на спине. Вторая же тройка, отнеся Сыча и генерала Оку шагов на двадцать от двери, положили их на землю. И Шах в свете фонаря занялся раной Савина.

Леший, осмотрев дверь, достал из сумки небольшой моток шнура, а из разгрузки – гранату новой конструкции. Они поступили на театр боевых действий всего лишь месяц назад. Кстати, к их созданию, как и к производству, приложил руку Ермак. И надо сказать, удачно так приложил. Граната получилась просто отличной.

Весом около двух фунтов, в виде чугунного ребристого яйцевидного корпуса с отверстием для запала. Заряд – тротил, запал представлял собой оригинальную конструкцию с капсюлем-воспламенителем ударного действия и замедлителем, по выгоранию которого срабатывал капсюль-детонатор, вызывавший подрыв гранаты. В общем, выдернул за кольцо чеку, отпустил предохранительный рычаг, за счет сжатой пружины освобождённый ударник бьёт по капсюлю-воспламенителю, четыре секунды горения замедлителя, срабатывание детонатора и взрыв гранаты с разбросом поражающих элементов до ста шагов.

---

[2] Кю-гунто – «первый боевой меч» (именно так и переводится название «кю-гунто») был принят на вооружение офицерского корпуса японской армии в 1875 году. Мечом кю-гунто во время Русско-японской войны были вооружены все генералы, офицеры и даже унтер-офицеры японской армии (от звания владельца оружия зависело количество декора, украшавшего рукоять меча).

Кроме того, во время разработки этих гранат Ермак показывал на полигоне Аналитического центра, как с помощью их минировать двери, дороги, тропинки в лесу. Это всё делали и с гранатами, имевшими тёрочный запал, только процент несрабатывания запалов при установке растяжек у них был очень высок, чуть ли не пятьдесят процентов. Здесь же срабатывание запалов было практически стопроцентным.

Установив растяжку на высоте груди, которая должна была сработать на открытие двери, Леший ещё раз через щели осмотрел пространство перед помещением. Во дворе крепости начиналась паника и неразбериха, но здесь, перед складом, пока всё было тихо. Так что небольшой запас времени у группы захвата был.

– Как он? – спросил Лесков, подойдя к казакам.

– Плохо, Леший. Не жилец. Пуля в правый бок попала. С той стороны не вышла. Кровь из раны чёрная текла, толчками. Мы перевязали, но долго он не протянет.

В этот момент Сыч открыл глаза.

– Ну что, браты, отвоевался я. – Старший урядник Савин Евгений Иванович, кавалер знака отличия военного ордена Святого Георгия трех степеней, а также серебряной и золотой медали «За храбрость», обвёл станичников каким-то просветлённым взглядом. – Вы меня на входе в подземелье положите, как заминируете его. Я вам отойти дам, а потом взорву его к чертям.

– Женька, ты о чём говоришь?! Мы тебя вытащим! – хрипло пробасил Устин Филиппов.

– Ус, не обманывай себя и меня. Я еще, может, минут десять продержусь в сознании и всё…

– Нашёл! – прервал Сыча вскрик Хиена.

– Все ко входу в подземелье. Чуб, Шах, минируете его. Ус, принеси несколько мешков с рисом, сделаешь бруствер для Сыча, – спокойным голосом отдал распоряжения Леший, не отрывая взгляда от Савина, словно глазами просил прощения за такое решение.

– Спасибо, Вовка! Я правда продержусь и дам вам уйти, как можно дальше по подземелью. Только давайте быстрее!

Спустя пару минут, согнувшись в три погибели, группа захвата вместе с пленёнными генералами протиснулась во входную дверь в подземелье, которая была хорошо замаскирована. Если бы Хиен не знал, где должен быть вход, и не пытался открыть эту дверь с внутренней стороны, то так быстро её не нашёл бы.

На входе за бруствером из мешков с рисом остался лежать Сыч, все силы у которого уходили только на то, чтобы удержать себя в сознании. Минута, вторая, третья. Скрип входной двери в склад. Замелькавшие огни факелов, которые держали в руках японцы, и взрыв растяжки.

Старший урядник Савин усмехнулся, но даже не оторвал голову от земляного пола, в который уткнулся лбом. Сил не было совсем. Ещё минуту назад он положил под себя гранату с вырванной чекой. Теперь оставалось только откинуться предохранительной скобе, и произойдет взрыв, который вызовет подрыв ещё четырёх гранат и связки динамитных шашек, которые притащили с собой именно для этой цели.

Японцы отреагировали на взрыв стрельбой в образовавшийся дверной проём. Прошло ещё несколько минут, прежде чем они рискнули вновь войти в помещение склада.

Участок огня от факелов и фонарей постепенно приближался ко входу в подземелье. Его движение Сыч видел периферическим зрением. Попытка поднять голову чуть не отправила его в беспамятство, поэтому казак просто лежал и ждал, когда враги подойдут ближе.

Удар чем-то в мешок бруствера, да и слух подсказали Савину, что японцы уже здесь, и ему осталось сделать последнее движение. Прошло больше семи минут, и браты вместе генералами наверняка смогли уже уйти далеко от входа, несмотря на его узость и низость.

«Прощайте, братцы!» – подумал Сыч и повернулся на бок, освобождая руку с гранатой.

Щелчок откинувшейся скобы, освещенное факелом лицо японского солдата, который заглядывал через бруствер. Савин закрыл глаза, перед которыми вереницей промелькнули лица братов, матери, отца, брата, племянников, дедушек и бабушек, а потом взрыв, боль и темнота.

Глава 3
Противостояние

Я дошёл до окна палаты, развернулся кругом и сделал четыре шага до кровати. Устало выдохнув, со стоном опустился на своё больничное ложе. Прошло десять дней, как я очнулся и пошёл на поправку. Все эти дни старался потихоньку увеличивать физическую нагрузку своему телу, чтобы быстрее восстановиться.

Признаться, этот процесс мне доставлял большее удовольствие, чем когда я приходил в себя после контузий, полученных под и в Инкоу почти год назад. Тогда головокружения и тошнота меня накрывали сразу при минимальной нагрузке. Сейчас же я терпел только физическую боль в районе раны, которая с каждым днём становилась всё меньше. А процедура перевязки – всё менее болезненной. Завтра обещали снять дренаж со спины, где рана после операции почти затянулась.

Передохнув, я вновь поднялся с кровати и в пятый раз сделал четыре шага до окна, а потом вернулся обратно. Ещё восемь шагов, а за пять раз – целых сорок. И как, оказывается, это много, аж в пот бросило.

«Всё, на сегодня шестой подход по пять раз закончен. Два подхода с десятиминутным перерывом перед завтраком, два – перед обедом и два – перед ужином. Завтра перед обедом сделаю три подхода», – подумал я и откинулся на подушку, с трудом удержав стон.

Расслабив тело, задумался о событиях в мире, которые касались Русско-японской войны. Основным можно было назвать полный разгром японских войск в Тэгу, где вновь отличились браты. Они умудрились выкрасть почти из центра города командующих японских армий генералов Куроки и Оку. Как результат, противник, лишившись руководства, не смог эффективно противостоять нашим войскам и потерпел поражение. В плен попало почти пятьдесят тысяч японских солдат.

Как сообщил Сандро, который постоянно навещает меня последние пять дней, Ренненкампф представил зауряд-хорунжих Лескова и Хиена к ордену Святого Георгия IV степени, хорунжего Верхотурова, который возглавил атаку своей сотни на японские войска через перевал Пхальджорён, к золотому оружию «За храбрость».

Шило, или вахмистр Подшивалов, стал заурядхорунжим и после утверждения Георгиевской думы представления на Георгия I степени станет обладателем полного банта Георгиевских крестов. Также кавалерами полного банта знаков отличия военного ордена Святого Георгия станут Савва, Шах и Сыч. Последний – посмертно. Наша первая потеря среди первого десятка Черняевской школы казачат.

«Эх, Женька, Женька! Как же ты так подставился под пулю. Но раненым ушёл из жизни очень достойно. После самоподрыва часть крепостной стены обрушилась, образовав тебе могилу, лейб-гвардии старший урядник Савин Евгений Иванович». – Я с трудом проглотил ком в горле.

Как сказал великий князь Александр Михайлович, генерал-лейтенант Ренненкампф приказал на этом месте установить большой православный крест с данными Женьки и описанием его подвига.

Вообще Павел Карлович своего никогда не упустит. Любит пропиариться, как говорили в моём прошлом-будущем. Но нужно отдать ему должное: на награды для подчинённых он не скупится. Офицеры и казаки его просто обожают. А он сейчас командует Забайкальской казачьей дивизией, плюс ему временно в Корее подчинили полки Амурского и Уссурийского казачьего войска. Их в полном составе бросили к Сеулу, а на замену им в Маньчжурию прибыла 4-

я Донская казачья дивизия в составе 19-го, 24-го, 25-го, 26-го полков и 3-й донской артдивизион. Можно сказать, что генерал командует сейчас сводным конным казачьим корпусом.

Одним словом, отметил, хорошо отметил Павел Карлович подвиг казака Савина. Разбирать образовавшийся завал крепостной стены, чтобы найти останки Женьки, времени не было. Так и осталось тело амурского казака замурованным под обломками стены старинной крепости древнего корейского города Тэгу.

Много теперь в Корее православных крестов на могилах русских стрелков и казаков. В боях на реке Ялу около десяти тысяч погибло, за Сеул полегло больше двадцати тысяч, под Тэгу и на его улицах больше пяти тысяч потеряли только убитыми.

Но результат получился ошеломляющим. 1-я и 2-я японские армии в Корее разбиты. Плюс к этому броненосного флота у Японии нет, Хоккайдо захвачен, дирижабль бомбит крупные города, а русский флот добивает остатки прибрежных военно-морских сил микадо, топя канонерки, вспомогательные суда, миноносцы.

Японская империя побеждена и должна в ближайшее время капитулировать. Сандро вчера сказал, что от нашего агента в Токио пришло сообщение о том, что император встречался с послами Великобритании и САСШ, а на сегодня назначил расширенное заседание правительства Японии.

Жаль, что у нас разведвозможности в Стране восходящего солнца слабые. С началом войны русское посольство вместе с посланником бароном Розеном покинули Японию. Из небольшой сети агентуры, которую смог создать Роман Романович, по телеграфу информацию имели возможность передавать только два разведчика. Один из них был журналистом-китайцем в Нагасаки, а второй – кореец-содержатель гостиницы в Токио.

Начавшаяся Русско-японская война породила новые проблемы в этой области, поскольку обе воюющие стороны сначала были вынуждены пользоваться одной и той же транссибирской линией связи, и Россия опасалась, как бы корреспонденция, шедшая из центра во Владивосток и другие дальневосточные военные базы, не просочилась в Японию.

Та, в свою очередь, тоже остерегалась пользоваться этой линией из соображений секретности, так как ее депеши могли быть перехвачены и расшифрованы на ретрансляционных пунктах, находившихся на русской территории.

В итоге с началом войны телеграфная линия Владивосток – Нагасаки перестала функционировать. По тем же соображениям, вероятно, японцы не использовали линию, проложенную из Берлина в Индию через Тегеран, поскольку часть ее проходила по территории России. Поэтому японские военные предпочитали пользоваться кабелем Восточной компании, шедшим через Кагосиму, Окинаву и Формозу.

Кроме этого, принадлежавшая Великой северной компании линия Нагасаки – Шанхай также продолжала эксплуатироваться, ибо только она напрямую связывала Японию с Китаем.

Япония стремилась в основном пользоваться телеграфными линиями английских компаний, так как находилась с Англией в союзнических отношениях.

Поэтому и людям, работающим на русскую разведку, приходилось пользоваться телеграфной линией Токио – Нагасаки – Шанхай, где располагался русский военный агент в Китае. От него телеграфом информация отправлялась в Пекин исполняющему обязанности посланника генерал-майору Вогаку, а дальше уже в ставку к Алексееву и во Владивосток к Сандро и мне.

На всё про всё уходило от шести до двадцати четырёх часов, учитывая, что до Шанхая информация шла как гражданская, а потом дешифровка, новое шифрование, военные бюрократические процедуры. Тем не менее скорость прохождения впечатляла. Хотя для сравнения до войны телеграмма через датскую Великую северную компанию по маршруту: подводный кабель через Балтийское море – Копенгаген – Либава, далее через надземный провод Либава – Москва – Омск – Иркутск – Владивосток, а затем вновь по дну моря до Нагасаки – Токио

проходила за пять-восемь часов. И так же было ещё в начале восьмидесятых годов прошлого столетия.

В общем, связь была, только информация по этой линии шла ограниченно. Хотя для анализа и того хватало. Если император Японии после разговора с послами Великобритании и САСШ на следующий день назначает расширенное заседание правительства, значит, сегодня что-то произойдёт.

* * *

Император Муцухито, как и в день бомбардировки Токио, шёл по любимому дворцовому саду, пытаясь обрести душевное равновесие после расширенного заседания правительства.

Вчера состоялась встреча с послами Англии и Америки, во время которой те в очередной раз заверили в своём желании помочь Японии и не допустить её поражения в войне. Как уже повторялось несколько раз, вот-вот американская эскадра выйдет в океан, чтобы в короткий срок достигнуть Сингапура, где, объединившись с английским кораблями, придёт в Жёлтое море, чтобы уничтожить русский флот. Кроме того, Великобритания готова начать боевые действия в Бухарском эмирате и на Тибете.

Только какой в этом толк для Японии в её сегодняшнем состоянии и именно сейчас?! Когда было принято решение о начале войны с Российской империей, в Министерстве финансов победил ничем не обоснованный оптимизм. Чиновники посчитали, что боевые действия будут стоить не дороже трехсот миллионов иен. Эту сумму первоначально и выделили на финансовую подготовку к войне.

Генералы и адмиралы японской армии и флота оказались менее оптимистичны, чем чиновники, и предположили, что расходы на войну с Россией составят семьсот-восемьсот миллионов иен. Считавшийся «пессимистом» многоопытный премьер-министр Кацура Таро предположил расходы в миллиард. Но все они ошибались.

«Два с половиной миллиарда иен. Вот цена того, что Япония уже потеряла вместе со своим флотом и армией. Половину этих денег – миллиард с четвертью – империя получила в виде внешних и внутренних займов, которые надо будет ещё возвращать с процентами. За десять месяцев войны госдолг Японской империи вырос в два раза», – подумал император Муцухито, тяжело вздохнул и, подойдя к стволу сакуры, ткнулся в него лбом.

Простояв так некоторое время, микадо пошёл дальше, размышляя, что же предпринять. Хотя в душе решение он уже принял: надо договариваться с русскими. Именно с ними, и только с ними. Как бы ни юлили американский и британский посол, дальнейшая война не принесёт империи ничего хорошего.

«Что же, завтра призову маркиза Ито. Он будет вторым после премьер-министра уполномоченным при подписании договора о мире. Япония больше не выдержит войны с Россией. И лучше договариваться с императором Николаем Вторым напрямую, без всяких посредников», – с этими мыслями микадо резко развернулся и направился в сторону дворца.

Решение было принято.

* * *

– Ты звал меня, Ники?

– Да, Миша. Проходи и садись, – император Николай II показал рукой на стул, на который с маху шлепнулся его брат великий князь Михаил Александрович, имевший за такую привычку в семье прозвище Милый Floppy.

– Что-то случилось? – вытягивая ноги вперёд, задал вопрос Михаил Александрович.

– Случилось, Миша, случилось. Как ты смотришь на то, что я назначу тебя главой миссии и первым уполномоченным по подписанию мирного договора с Японской империей? – произнёс император, не отрывая взгляда от лица своего младшего брата.

После смерти родителей, брата, сестры и последующих событий, когда в крови был утоплен гвардейский мятеж Александровичей, Михаил, как и император, не покидал Гатчину. Почти четыре года затворничества, исполнение обязанностей командира сотни конвоя и постоянные тренировки, и стрельбы, стрельбы, стрельбы на полигоне.

Иногда казалось, что Михаил сам себя назначил личным охранником старшего брата, забыв о своей личной жизни. Когда-то великий князь был влюблен в юную английскую принцессу Беатрису. Но её матерью была родная сестра Александра III. Соответственно, Михаил и Беатриса были двоюродными братом и сестрой. Такого брака православная церковь и нормы морали допустить не могли. Александр III эту связь и переписку запретил, но вместе с супругой вплотную занялись вопросом выбора невесты для сына. Невесту искали в том числе и среди внучек английской королевы Виктории. У ее третьего сына была дочь Патриция Коннаутская. Даже планировалась поездка великого князя в Англию, во время которой он должен был встретиться с принцессой Патрицией.

И тут случились события в Ливадийском дворце, жёсткий ответ англичанам, в результате которого на трон взошёл Георг V, и Михаил постепенно стал тенью за спиной старшего брата. Он и до этого был хорошим стрелком и наездником, а теперь его высокую личную подготовку в вопросе охраны отмечали многие специалисты, на плечи которых лёг вопрос обеспечения безопасности его императорского величества и его семьи.

– Ники, какой из меня глава дипломатической миссии? Я всего лишь лейб-гвардии подъесаул твоего конвоя. А первым уполномоченным для подписания договора обычно премьер-министр выступает, – начал говорить Михаил, но тут же был перебит своим братом:

– К господину Витте и его родственникам, а также по их связям с зарубежными банкирами у меня накопилось много вопросов в финансовом плане. И как я думаю, очень скоро в Российской империи будет новый премьер-министр. А ты в первую очередь мой брат и регент в случае моей гибели, пока Александр не станет совершеннолетним. Пора тебе выходить на политическую арену. На кого, как не на тебя, мне положиться?!

– Ники, может, лучше тогда пускай кто-нибудь из наших двоюродных дедушек возглавит миссию. Михаил Николаевич – генерал-фельдмаршал и председатель Государственного совета, а Николай Николаевич – генерал от кавалерии и сейчас главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. А тут подъесаул?! Ты не думаешь, что мы нанесём микадо оскорбление? – озадаченно и с сомнением в голосе произнёс Михаил.

– А кто тебе сказал, что они не будут тебя сопровождать. Точнее, Ник Ник в состав миссии войдёт, так же как и Сандро с Сергеем. Их отец Михаил Николаевич, к сожалению, болен, а то бы и он с тобой поехал, – император на несколько секунд замолчал, а потом продолжил: – Нашего дядю Сергея Александровича, сам понимаешь, я задействовать не могу. Доверия у меня к нему нет.

– А почему ты не принял у него отставку, как от Алексея Александровича и Павла Александровича?

– Понимаешь, Миша, в отличие от сведений про дядю Серёжу, у меня была информация о том, что дядя Алексей и дядя Павел точно знали о перевороте, который затеял их старший брат с сыновьями, и не донесли об этом. Таким образом, они совершили преступление, подпадающее тогда под статью двести сорок один «Уложения о наказания уголовных и исправительных», которая предусматривала наказание в виде смертной казни и лишения всех прав и состояний, – Николай скрипнул зубами и зло выдохнул: – Они же отделались легче лёгкого. Дядюшка Лёша живёт теперь в Париже со своей Элизой, а дядя Павел – в Италии. Как мне сообщили, он недавно женился на своей Ольге.

– И что ты сделаешь? – заинтересованно спросил Михаил.

Об отношениях великого князя Павла Александровича и графини Ольги фон Пистолькорс в Санкт-Петербурге ходило много сплетен.

– Как и положено, лишу всех чинов и отменю содержание. А дальше поглядим, как на это дядя Серёжа отреагирует. Он у нас теперь точка притяжения всех, кто недоволен в аристократии моим правлением, да и младшего братца сильно любит, – усмехнулся Николай. – В общем, ты понял, почему великий князь Сергей Александрович не поедет с тобой. Как говорится, держи друзей близко к себе, а врагов еще ближе.

– Сунь Цзы. Трактат «Искусство войны», – задумчиво произнёс Михаил.

– Ладно, мы несколько отвлеклись от темы. Вторым уполномоченным при подписании договора будет барон Розен. Он лучше всех разбирается в русскояпонских отношениях. Именно он сказал, что если договор о мире подпишет брат императора и регент, то для императора Муцухито это будет большая честь. Японцы в полной мере оценят этот жест. – Николай замолк и задумался, собираясь с мыслями.

Михаил смотрел на старшего брата, который за последние четыре года, взвалив на себя управление государством, сильно постарел. На вид ему можно было дать все пятьдесят лет, а не тридцать шесть. Именно столько исполнилось Николаю месяц назад. И Михаилу стало стыдно, что он начал отказываться помочь брату, приняв на себя часть ответственности за Российскую империю. А ведь именно этому его с детства учил отец, говоря о том, что он должен стать помощником Николаю, когда тот станет императором.

– Что я должен делать? – прервал вопросом молчание великий князь.

– Честно говоря, все дипломатические вопросы возьмет на себя Роман Романович. Ты же будешь представлять правящий дом Романовых на этих переговорах и при подписании договора… – Николай сделал паузу, постучав при этом пальцами по спинке стула-кресла, на котором сидел. – Поверь, великий князь Михаил Александрович, несмотря на кажущуюся простоту твоей задачи, она чуть ли ни самая важная. От того, как ты будешь вести себе во время переговоров, зависит, что получит Российская империя от этой войны.

– И что мы должны получить? – перебил брата Михаил.

– Первое – это капитуляцию Японской империи. Второе… Второе – за нами остаются Сахалин и Курилы.

– А Хоккайдо? – вновь младший брат перебил императора.

– Не переварим мы этот кусок, Миша. Пупок надорвём. У нас во всём Приморском крае населения меньше трёхсот тысяч человек, а на Хоккайдо уже сейчас проживает больше восьмисот тысяч японцев. Я тебе давал читать записку барона Розена о настроениях в японском обществе. Потерю Хоккайдо не примет в Японии никто, ни гэнро[3], ни буракумин[4]. За этот остров они будут биться до последнего японца, – Николай грустно улыбнулся. – Нам это надо?! Так что хватит Сахалина, Курил и контрибуции.

– С Хоккайдо понятно. А что ещё Российская империя должна получить? – Михаил внимательно посмотрел на брата.

– Остров Каргодо и Маньчжурию. Но это уже касается императора Коджона и императора Цзайтяня. Об этом можно во время переговоров тонко намекнуть как о сложившейся договорённости с правителями Китайской и Корейской империй.

– А эти договорённости действительно есть?

---

[3] Гэнро – название девяти японских государственных деятелей, которые служили в качестве неофициальных советников императоров эпохи Мэйдзи, Тайсё и Сёва.

[4] Буракумины – потомки особой средневековой касты «эта», члены которой традиционно занимались забоем скота, выделкой кожи, уборкой мусора и другими грязными работами. Поскольку эти занятия по представлениям того времени считались нечистыми, все принадлежавшие к касте «буракуминов» должны были проживать отдельно от остальных жителей Японии в предназначенных специально для этого местах; им было запрещено вступать в брак с представителями иных сословий.

– Находятся в стадии положительного решения. Юань Шикай предварительно дал понять, что готов отдать Маньчжурию при условии организации Маньчжурского государства во главе с императором Цзайтяном под протекторатом Российской империи, так как маньчжуры и ханьцы на грани гражданской войны. А так и волки сыты будут, и овцы целы… – Император встал и подошёл к столу, на котором стояло несколько запотевших бутылок с яблочным квасом.

Открыв одну из них, Николай вопросительно посмотрел на брата:

– Будешь квас? А то сегодня жарковато для конца мая.

– Наливай. Действительно, сегодня жарко, – Михаил расстегнул крючок воротника мундира.

Император налил квас в два больших фужера, взял их в руки и вернулся к своему стулу-креслу. Отдав один фужер брату, сел и сделал большой глоток. Михаил последовал его примеру, так же с наслаждением сделал несколько глотков.

– Хороший квас делает Яковлев. Забористый, – оторвавшись от посуды, произнёс Михаил.

– Что есть, то есть. Вчера только новую партию прислал. Специально попросил сегодня с ледника принести. Мне тоже понравился, как и всегда, – император, допив квас, протер пальцем усы.

Михаил, подхватив у брата пустой фужер, отнёс посуду на столик и вернулся назад.

– Возвращаясь к нашему разговору, император Коджон не против отдать нам Каргодо с учётом обустройства на нём российской военно-морской базы. Также он готов предоставить концессии на строительство железной дороги от Мукдена до Мозампо, через Ы Чжоу и Сеул, а также достроить железную дорогу от Сеула на Пусан, которую начали прокладывать японцы, – продолжил император. – Об этом также можно будет намекнуть японской миссии.

– А Юань Шикай как отнесётся к этому? – взгляд брата императора выражал истинный интерес.

Не часто брат так откровенничал с ним по международным делам.

– Генерал Вогак прорабатывает этот вопрос. Мы в принципе не против, чтобы китайцы возобновили своё влияние над Кореей. Точнее, мы будем об этом говорить вслух, понимая, что реально у них вряд ли что получится. Нет уже той силы у Китая. А железные дороги в Корее выгодны и им, и нам. Вот такая примерная картина в целом. О частностях тебе более подробно расскажет барон Розен. Тем более ситуация будет меняться чуть ли не каждый день. Особенно она зависит от действий англичан. Боюсь, мой кузен Георг закусит удела, – император усмехнулся, замолчал, а потом тихо произнёс: – Может, и зря я не разрешил тогда Ермаку и с ним покончить.

Николай тяжело вздохнул, а Михаил, воспользовавшись паузой, задал вопрос:

– Как, кстати, он себя чувствует?

– Уже начал из палаты выходить на улицу, подышать. И раз уж о нём зашла речь, то генерал Аленин-Зейский будет отвечать за твою охрану, когда прибудешь во Владивосток. И заодно прислушивайся к его советам.

– Я понял, брат.

– Вот и хорошо, что понял. Давай ещё по фужеру кваса и продолжим…

Глава 4
Памир

– Что делать будем, Лаурус-ага? – тихо, одними губами произнёс Худайкули – туркмен, сопровождающий Корнилова во всех авантюрах уже шесть лет, начиная ещё с разведки крепости Дейдади в далёком уже 1898 году.

Тогда, после окончания Академии Генерального штаба, капитан Корнилов Лавр Георгиевич вновь попросился в Туркестан и был откомандирован в распоряжение начальника штаба Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Белявского Николая Николаевича.

Первой задачей, которую получил Лавр, было поручение собрать как можно больше информации по Афганскому Туркестану. Для этого его направили в Патта-Гиссаре[5], где дислоцировалась Четвёртая Туркестанская линейная бригада под командованием генерал-майора Ионова.

Михаил Ефремович был легендой Памира. Участник туркестанских походов, за которые был награждён орденом Георгия IV степени и Золотым оружием с надписью «За храбрость», он стал больше известен не своей храбростью, а эпизодом с Курбан-джан-датха – царицей кара-киргизов.

Во время экспедиции по завоеванию Алайского края при беседе с Курбан-джан-датха тогда ещё майор Ионов, предложив ей сдаться добровольно, дал слово о её полной безопасности. Позднее российские власти решили применить к царице иные меры, узнав о которых, Ионов официально заверил начальство, что в таком случае он тотчас застрелится, так как им было дано слово русского офицера. Не желая скандала, вопрос с Курбан-джан-датха был закрыт.

В том же 1876 году Михаил Ефремович был назначен начальником завоёванного Ошского уезда. И ему вместе с царицей кара-киргизов мы обязаны теперь русской частью города Ош с дорогами, жильём и озеленением, к тому же эта часть стала приграничным торговым центром Алайского края.

В июне 1891 года Ионов был назначен Начальником рекогносцировочной партии на Памире. Целью экспедиции было: «Прекратить хозяйничанье китайцев и афганцев на Памире, действующих при поддержке английских властей, и показать местному населению о принадлежности Памира России».

Михаил Ефремович в течение тридцати трёх дней объехал Восточный Памир с севера на юг вдоль китайской границы, объявляя памирским жителям о принадлежности Памира России. Дальше Ионов направился к хребту Хедар-Гурт, где, по словам местных жителей, в летнее время можно было найти перевал – кратчайший путь в Индию через Памир. Перевал нашли, но попали в снежный буран и чудом выжили. После этого на картах этот перевал стал носить имя Ионова[6].

Чуть позже Михаил Ефремович перешел хребет Гиндукуш и прошел сто вёрст по территории Британской Индии, а затем повернул назад, вернувшись через другой перевал. Афганский гарнизон небольшой крепости Сархад онемел от страха и удивления, когда перед ними появился большой русский отряд, идущий со стороны Индии.

В дальнейшем войска под командованием Ионова очищали от афганских и китайских постов территории бывшего Кокандского ханства. В результате этих действий были арестованы

---

[5] Патта-Гиссаре – небольшой кишлак около развалин древнего Термеза, рядом с которым строился русский военный городок, который в настоящее время и есть город Термез.

[6] Надо сказать, что для иностранцев фамилия Ионов звучит как Янов. Поэтому в литературе или на географической карте можно увидеть и такой вариант – Ianov (Янов).

британские агенты Дэвидсон и Янгхасбенд, китайский пограничный чиновник Чань выдворен в Кашгар. Всё это вызвало широкий международный резонанс и заставило английских дипломатов признать государственные границы России на Памире. Вот под начало этого человека-легенды и прибыл молодой выпускник Николаевской академии.

– Наслышан, наслышан о вас, господин капитан. Не часто встречаешь офицера, отказавшегося служить в столице и выбравшего Туркестан. – Генерал Ионов с улыбкой и выраженным интересом рассматривал капитана Генерального штаба, который, войдя в кабинет, представился по случаю прибытия для дальнейшего прохождения службы.

– Ваше превосходительство, чтобы служить в столице, да ещё в гвардии, нужны покровитель и деньги. Ни того, ни другого у меня нет, а Туркестан я люблю. Манит меня Восток, сказывается кровь матери, – почтительно и в то же время твёрдо произнёс Корнилов, который уже несколько устал отвечать на вопрос, почему он не остался в Санкт-Петербурге, как ему предлагали после окончания академии.

Каким-то образом эта информация пришла в Туркестан раньше, чем он сам со своей семьёй прибыл в штаб Туркестанского военного округа.

Ионов посмотрел на худощавого, смуглого, небольшого роста офицера, больше похожего на калмыка или киргиза, чем на представителя славянского народа, и хмыкнул про себя. Переодень капитана в любую тюркскую одежду, и он сойдёт и за туркмена, и за узбека, и за киргиза, и за таджика, и за афганца. Хотя форма офицера Генерального штаба на нём сидит как влитая.

– Чем думаете заняться, Лавр Георгиевич? Что просил сделать в первую очередь Николай Николаевич? – сменил тему генерал.

– Первоочередная задача по приказу его превосходительства – собирать информацию об Афганском Туркестане. Насколько я уже успел узнать, для вашей бригады костью в горле стоит крепость Дейдади?

– Давайте без чинов, Лавр Георгиевич. Садитесь за стол. Сейчас я чаю попрошу принести. Вы, кстати, какой любите? – Ионов взял со стола колокольчик и позвонил в него.

– Зелёный, если можно.

– Чайник зеленого и чайник чёрного чая. И что-нибудь к нему, – скомандовал генерал своему адъютанту, появившемуся в дверях. – Сейчас всё принесут. А вот что касается крепости Дейдади, вы верно подметили. Если начнутся боевые действия, и мы пойдём в Афганистан, то эта крепость станет для нас ещё какой костью. Тем более мы про неё практически ничего не знаем.

– Почему? – не выдержал Корнилов и задал вопрос.

– Патта-Гиссаре – это небольшой кишлак, который стоит рядом со старинными развалинами города Термез, который в своё время завоевал Александр Македонский. Одиннадцать лет назад эмир бухарский Саид-Абдул Ахадхан безвозмездно передал Российской империи рядом с кишлаком одиннадцать гектаров земли для постройки здесь военного городка Амударьинской бригады пограничной стражи. Сейчас этот городок называют Новым Термезом, здесь даже есть большой парк с высаженными плодовыми и декоративными деревьями, меж которых вышагивают павлины, а в искусственном пруду плавают лебеди. Это теперь русский город, а на другом берегу Амударьи находится Мазари-Шариф – главный город Афганского Туркестана. А чуть дальше, в пятидесяти верстах от берега, у входа в ущелье Гиндукуш, стоит крепость Дейдади. Её для прикрытия путей и перевалов в Кабул афганцы, по имеющейся информации, построили с помощью британских инженеров. Но так это или нет, мы не знаем. Тем более не имеем её схемы, фотографий, – генерал замолчал, так в этот момент дверь отворилась, и в кабинет вошёл стрелок с подносом, на котором было два глиняных заварочных чайника, две пиалы, блюдо с какой-то выпечкой и сахарница.

Быстро и ловко расставив посуду на столе, солдат вышел, а генерал продолжил рассказ:

– Все попытки разведки обернулись крахом и гибелью охотников-разведчиков из казаков и местных жителей. Как нам удалось узнать, их всех посадили на кол, – генерал передёрнул плечами, – в Афганистане настоящее средневековье. То, что афганцы творили и продолжают творить с жителями Западного Памира, не поддаётся описанию и пониманию. Выжигают целые кишлаки, сельскохозяйственные посевы вытравляют, симпатичные девушки как рабыни отправляются в Кабул к эмиру и его окружению из знати, остальных насилуют и убивают. Мужчин казнят, предварительно выколов глаза. Маленьких детей бросают в костёр, сжигая живьём. И при этом они ведь все мусульмане!

Ионов замолчал и незряче уставился на посуду на столе. Корнилов взял заварочный чайник с затейливой, красивой росписью и налил в пиалу генерала ароматного черного чая. Себе же из другого налил зелёного. Взяв в руки пиалу, произнёс:

– Михаил Ефремович, причина этих зверств довольно проста: памирцы исповедуют исмаилизм, в то время как афганцы – суннизм, поэтому в их глазах жители Памира – еретики, а последних, как известно, на протяжении всего рода человеческого беспощадно уничтожали.

– Вы так спокойно об этом говорите, Лавр Георгиевич, – хмуро бросил фразу Ионов, беря пиалу в руки.

– Ваше превосходительство, сунниты и шииты-исмаилиты воюют между собой больше двенадцати веков, если мне не изменяет память, с ноября 680 года. Тогда произошло сражение при Кербеле между армией Омейядов и отрядом имама Хусейна. Сунниты уничтожили весь отряд вместе с Хусейном и другими родственниками Мухаммеда, не пожалев даже полугодовалого младенца – правнука пророка – Али ибн Абу Талиба. Головы убитых отправили омейядскому халифу в Дамаск, что сделало имама Хусейна мучеником в глазах шиитов. Это сражение считается отправной точкой раскола между суннитами и шиитами, а также началом войны между ними… – Корнилов сделал глоток из пиалы и поставил её на стол. – Хороший чай.

Взяв в руки чайник, капитан долил немного чая в посуду.

– Я смотрю, вы, Лавр Георгиевич, пьёте чай, как настоящий тюрок. Понемногу, но обязательно горячим, – произнёс генерал, осторожно беря в руки пиалу.

– В семье так приучили, Михаил Ефремович. Мне, честно говоря, Восток ближе своей культурой. Очень люблю персидскую поэзию. Хорошо говорю, читаю и пишу на тюркском, урду и фарси. А в местной одежде могу сойти за своего.

– Только не говорите мне, что вы собрались на ту сторону Амударьи. Это очень опасно. Я не могу отпустить вас.

– Ваше превосходительство, я прошу у вас три-четыре дня отпуска на семейное обустройство. И не подскажете, где здесь обитают контрабандисты и как на них выйти? – невозмутимо произнёс Корнилов и сделал глоток чая.

– Отпуск я вам предоставляю, а по поводу контрабандистов вам лучше всего расскажет полковник фон Штоквиш – командир Амударьинской бригады пограничной стражи, – Ионов внимательно посмотрел на капитана и добавил: – Лавр Георгиевич, я вам запрещаю переправляться на ту сторону без моего разрешения. Я не хочу вас потерять и получить выговор от Николая Николаевича. У нас очень немного грамотных офицеров Генерального штаба в Туркестане. И все они на вес золота. Вы меня поняли, господин капитан?

– Так точно, ваше превосходительство! – Корнилов вскочил со стула и вытянулся в струнку.

* * *

– Ассаляму алейкум[7], Худайкули сын Нарлы из Сиягырта, – поздоровался Корнилов с туркменом лет тридцати, сидящим под плетенным из тростника навесом на коврике перед разложенным товаром.

– Ва-алейкум ас-салям ва-рахмату-Ллахи вабаракятух[8], господин капитан, – подняв голову вверх, с удивлением ответил продавец и дальше продолжил на неплохом русском языке: – Откуда господин так много обо мне знает?

– Господин полковник фон Штоквиш посоветовал обратиться к тебе с моей просьбой. Сергей Николаевич считает, что только ты сможешь мне помочь, уважаемый Худайкули[9].

Туркмен уставился на Корнилова остолбеневшими глазами, а потом захохотал, причём весело и задорно.

– Сам господин полковник сказал, что уважаемый Худайкули сможет помочь тебе, господин капитан, – сквозь смех с трудом проговорил он.

– Господин полковник называл тебя отпетым контрабандистом, Худайкули, по которому виселица плачет. Уважаемым тебя назвал я, немного узнав о твоей судьбе, – спокойным тоном ответил капитан.

Туркмен, резко прекратив смеяться, вскочил на ноги и, склонив голову, произнёс:

– Прошу пройти под навес, господин капитан. Я готов выслушать вашу просьбу. Эсен, замени меня.

Это продавец-контрабандист произнёс уже в глубину навеса, который примыкал к какому-то глинобитному зданию, которые были разбросаны на центральной площади кишлака Патта-Гиссаре, где чуть ли не каждый день образовывался стихийный рынок.

Из открывшейся двери выскочил молодой, загорелый до черноты парнишка лет четырнадцати-шестнадцати. Худайкули же, указав рукой на открытую дверь, дождавшись, когда капитан Корнилов войдёт в неё, оглянувшись по сторонам, нырнул следом.

– Итак я вас слушаю, господин капитан, – напряжённо произнёс контрабандист, глядя на Корнилова, который с любопытством рассматривал помещение, оказавшееся и складом, и домом одновременно.

– Мне необходимо сходить к крепости Дейдади. Ты лучший контрабандист в Патта-Гиссаре. У тебя родственники на той стороне, и ты очень не любишь афганцев с англичанами. Именно поэтому ты можешь мне помочь, – произнёс Лавр, смотря прямо в глаза туркмену.

– Ты прав, господин. Мне не за что любить афганцев, которые, устроив резню в Сиягырте больше двадцати лет назад, убили моего отца и мать, старших сестёр увели неизвестно куда, я же с младшим братом спасся чудом. Нас спрятали родственники. Вот из-за этих родственников я тебе помогать и не буду. Если тебя схватят, казнят не только тебя и меня, но и всех моих родственников, которые живут в Мазари-Шарифе, – туркмен закончил фразу и с вызовом посмотрел на Корнилова. – Благодаря моей торговле по обе стороны реки они живут достойно. Этим я отдаю свою благодарность за свою спасённую жизнь и жизнь брата.

– Я понял тебя, Худайкули. Но давай ты не будешь давать окончательный ответ сейчас. Сегодня вечером я ещё раз приду говорить с тобой, и там ты скажешь своё последнее слово. Хорошо?

---

[7] Мир вам.

[8] И вам мир, милость Аллаха и его благословение.

[9] У туркмен до двадцатых годов XX века отсутствовали отчество и фамилия. Обычно говорили имя – сын такого-то и из какого поселения родом. Только после установления Советской власти при выдаче паспортов имя отца становилось фамилией. Так, Худайкули сын Нарлы стал бы Худайкули Нарлыевым.

– Хорошо, господин капитан. Куда же деться бедному торговцу?! Если только вернуться в Мазари-Шариф!

* * *

– Здравствуй, Худайкули, ещё раз. Мир твоему дому. Я пришёл за окончательным твоим ответом, – произнёс на тюркском Корнилов, глядя в расширенные от удивления глаза контрабандиста.

В мохнатой черной папахе, длинном стёганом халате, шароварах и сапогах капитан совершенно не походил на самого себя утреннего, одетого в форму офицера Генерального штаба. Сейчас перед Худайкули стоял настоящий тюрок, который к тому же говорил по-туркменски с небольшим акцентом, выдававшим, что он не памирец, а, вернее всего, текинец. Но представить себе, что этот невзрачный тюрок – русский офицер Генерального штаба?! Такое афганцам в голову точно не придёт.

– Разреши ещё вопрос, таксыр?[10]– туркмен почтительно склонил голову.

– Задавай.

– Зачем вам так нужна эта крепость? Вы собираетесь завоевать Афганистан или Индию?

– Нет, Худайкули. Мы собираемся отстоять Памир и защитить его жителей. Расспросных сведений о крепости Дейдади у нас имеется достаточно, но все они ненадежны, сбивчивы и часто противоречивы. Мы до сих пор не знаем, к какому типу крепости она относится. Азиатская кала или же крепость, построенная по правилам европейского инженерного искусства?! Узнав эти сведения, мы сможем ответить на вопрос, какие военные силы нам необходимо держать здесь для обороны границы. – Корнилов снял с головы папаху и почесал выбритую до синевы голову, которую ещё утром украшала причёска. – Чешется, зараза.

Нахлобучив папаху на голову, капитан достал из-за пояса два золотых червонца.

– Это плата за твоё сопровождение до крепости и обратно. Также могу обещать тебе, что не дам захватить себя афганцам в плен. Последнюю пулю пущу себе в голову. Поэтому никто не сможет связать меня с русской армией. Согласен на таких условиях выполнить мою просьбу? – Корнилов протянул руку с лежащими на ладони двумя золотыми кругляшами.

– Если вы, русские, дадите добро и поможете переправить моего брата и родственников из Мазари-Шарифа через Амударью, позволите им поселиться здесь, то согласен. И ещё, таксыр, возьми потом меня к себе на службу. Я чувствую, что ты – уллу бояр[11]. И я хочу быть рядом с тобой.

– Бисми Ллахи р-рахмани р-рахим[12], да будет так.

* * *

Да, та экспедиция несколько раз чуть не стоила Корнилову головы. Первый раз – при переправе через Амударью с помощью плота из надутых козьих бурдюков. Ночью, когда не видно ни зги, сверху – противный моросящий дождь, снизу – мутная и холодная река. Всё-таки январь месяц. Температура воздуха вряд ли больше плюс пяти. Вместо нормального весла какой-то огрызок доски, а плот под твоим весом и напарника готов расползтись в разные стороны. Особенно страшно было за фотоаппарат, который капитан прихватил с собой. И, конечно, за плёнки к нему.

---

[10] Таксыр – господин (*араб.*).

[11] Великий воин.

[12] Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

В 1898 году компания «Kodak» выпустила на рынок складной, можно сказать, карманный широкоплёночный фотоаппарат «Folding Pocket Kodak Camera». Этот фотоаппарат позволял получать негатив формата шесть на девять сантиметров, если использовать метрическую систему, и был очень удобен для скрытого фотографирования. Корнилов приобрёл эту игрушку перед самым отъездом в Туркестан в столичном фирменном магазине «Истмен Кодак», получив за это «внушение» от жены.

У него уже был фотоаппарат «Брауни» с запасом плёнок. И стоил тот два рубля, а пленка – тридцать копеек. А вот новый «Кодак» стоил уже двенадцать рублей, а пленки – по рублю. Для денежного содержания капитана и его семьи достаточно накладно. Да ещё перед переездом. Но… Не смог Лавр удержаться от такой покупки.

В общем, кое-как переправились, и до утра в обход пограничных постов Худайкули вывел Корнилова к Мазари-Шарифу, к дому родственников. Дальше уже передвигались на лошадях втроём. К Худайкули присоединился его младший брат, которого обрадовала новость о возможности перебраться к русским.

Родственники братьев в виде дяди, его жены, трёх дочерей и трёх сыновей также выразили согласие на переезд. Беспокоился отец за дочерей, на которых начали засматриваться парни. И если от соплеменников сестёр могли защитить старшие братья, то от афганских военных никакой защиты не было.

Ехали под видом нукеров из состава туркменской иррегулярной кавалерии, состоящей на службе у афганского эмира. Из вооружения – шашки, нож-бичак и кавалерийский карабин Бердана. Всё это нашлось у Худайкули, а у Корнилова зародилась мысль, что не только контрабандой промышляли братья. Вернее всего, и на дорогах разбойничали. Во всяком случае, к крепости тройка всадников ехала не скрываясь, по дороге.

Вот и мост перед крепостью, который охраняют афганские солдаты. Один из них задал вопрос на пушту, делая пикой знак остановиться. Худайкули, ехавший впереди, что-то ответил, и афганец освободил проход.

Цокот копыт по деревянному настилу, и вот она, цель похода – крепость. Корнилов подъехал к Худайкули и спросил:

– Что у тебя спрашивал сарбоз? А то мы далеко были, да и его пушту не совсем разобрал.

– Спросил, не назначены ли мы в караул и отчего так поздно едем на службу.

– И что ты ответил?

– Когда назначили, тогда и едем. И не ему спрашивать, чем занимаются нукеры Великого Абдурахмана, – улыбаясь, ответил проводник.

– Получается, – Корнилов сдвинул папаху чуть назад и почесал бритую голову выше лба, – туркменские всадники действительно наряжаются в разъезды вокруг крепости.

– Всё возможно, таксыр, но афганским офицерам лучше говорить что-нибудь другое. Они обладают куда большей информацией и могут знать вождей, которые командуют туркменской конницей.

Эти слова стали пророческими уже через час, когда Корнилов только закончил фотографировать крепость с южной стороны. Они втроём направились дальше, чтобы сделать фото с другого ракурса, как к ним подлетел верхом десяток афганцев, возглавляемый джамадаром[13].

– Кто такие?! Куда едем?! – буквально прорычал тот.

– Великий Абдурахман, эмир Афганистана, собирает туркменских всадников в конный полк, уважаемый джамадар, – полный достоинства, но с вежливым поклоном ответил Корнилов. – Я и мои люди едем к нему на службу в Кабул.

– Текинец? – уже дружелюбнее спросил офицер.

– Да. Мой род ведётся от Карама-бека, – вновь с достоинством ответил Корнилов.

[13] Соответствует поручику в российской армии.

– Да будет благословенно имя Абдурахмана! – сказал афганец и с места пустил коня в галоп.

Вслед за ним устремился десяток всадников.

Корнилов, проводив взглядом конников, посмотрел на своих провожатых, которые смотрели на него круглыми глазами.

– Ты и правда ведешь свой род от Карама-бека? – с каким-то благоговением спросил младший из братьев.

– Нет. Просто хорошо знаю историю туркмен. По матери я веду свой род от Аргун-ага – наместника внука Чингисхана Хулагу в Персии.

– А по отцу? – вновь не удержался от вопроса младший брат Худайкули.

– Мои предки по отцу пришли в Сибирь с Ермаком. Слышали о таком атамане?

– Нет, – ответил уже Худайкули.

– А про казаков?

– Этих знаем, – улыбаясь, хором ответили братья.

– По отцу я из казаков, – произнёс Корнилов и тронул коня.

Объехав часть крепости, Лавр сделал ещё несколько фотоснимков и зарисовок фортификационных объектов. На пути туда и обратно произвёл географическую съёмку двух дорог, ведущих к российской границе.

В общей сложности проведя на вражеской территории трое суток, намотав больше ста пятидесяти вёрст, вернулись в Мазари-Шариф. Ночью с помощью солдат пограничной стражи и двух лодок переправились вместе с родственниками Худайкули на свой берег Амударьи.

За ту разведку вместо предполагаемой награды Корнилов получил строгий выговор от начальника Туркестанского военного округа генерал-лейтенанта Иванова Николая Александровича. Но зато его умение мимикрировать под местных жителей позволило ему дальше работать под различными личинами в Афганистане, Китае, Персии. Во время всех этих разведвыходов Худайкули сын Нарлы сопровождал Корнилова и не раз выручал в сложных ситуациях, став надежным спутником, признавая верховенство офицера.

В 1903 году Корнилова направляют в Индию для изучения языков, нравов, обычаев и традиций народов Белуджистана. За время этой экспедиции Корнилов посещает Бомбей, Дели, Пешавар, Агру (военный центр англичан) и другие районы, наблюдает за британскими военнослужащими, анализирует состояние колониальных войск, контактирует с британскими офицерами, которым уже знакомо его имя.

С этими данными уже в чине подполковника прибывает в Генеральный штаб, где ему обещают должность начальника отдела, и вместо этого срочно направляется вновь в Туркестанский военный округ с целью выяснить, какие силы Британия готова направить на захват Южного Туркестана и Западного Памира с Тибетом.

* * *

«Надо же, сколько всего вспомнилось, а ведь после вопроса Худайкули и пяти секунд не прошло», – подумал Корнилов, после чего тихо ответил:

– Придётся идти по хребту, в обход. Перевал Шит-Рака[14]для нас закрыт. Мимо англичан нам не пройти.

– Разве это англичане, таксыр? – Худайкули перешел на официальное обращение, так как к ним подполз молодой казак-проводник из Хорогского отряда.

---

[14] Перевал в Восточном Гиндукуше, по хребту которого проходила индо-афганская граница. От этого перевала до бухарского (русского) кишлака Наматгута в уезде Вахань был суточный горно-пеший переход, то есть около двенадцати-пятнадцати вёрст.

– Ваше высокоблагородие, откуда их здесь столько взялось? – спросил казак, кивнув головой в сторону долины перед перевалом, где расположился бивак английских туземных войск.

– Вот что, братец, сейчас же в быстром темпе двигаешься в Хорог и докладываешь капитану Кивэкэсу о том, что в долине за перевалом Шит-Рака расположился полк сипаев с двумя батареями горной артиллерии. Точно не скажу, но, по-моему, это полк из восьмой Пешеварской дивизии. Необходимо эту информацию срочно передать в штаб округа. Также сообщите в Магриб. Пускай капитан Снесарев проверит, как обстоят дела за перевалом в Британской Индии.

– А как же вы, ваше высокоблагородие? – перебил Корнилова казак. – Сами всё и доложите, и прикажете.

– А мы, Матвей, пойдём дальше. У меня другое задание и приказ. Не ожидал я, что англичане так быстро выдвинутся к нашим границам. Так что бегом в Хорог и доложи, что я тебе велел. Кстати, повтори, что надо передать.

Пока казак, запинаясь, проговаривал доклад, Лавр, поправляя Матвея, продолжал рассматривать бивак английский туземных войск, отмечая про себя, что британских офицеров в этом полку раза в два больше, чем обычно. И это о многом говорило.

Глава 5
Дела житейские

– Тук, тук, Тимофей Васильевич, разрешите войти? – в дверном проёме появилась физиономия великого князя Александра Михайловича, которая просто кричала о том, что Сандро задумал какую-то каверзу.

Вот уже неделю, выписавшись из госпиталя, я жил в небольшом двухэтажном кирпичном особняке на Корейской улице под № 131, который Сандро целиком снял под себя и свои нужды, превратив и в место для жительства, и в место для службы, что было удобно со всех сторон. Особенно по вопросу охраны тушки зятя императора, а теперь заодно и моей.

За эту неделю мы настолько сблизились с князем, что окончательно перешли на «ты». Поэтому обращение на «вы», да ещё в такой форме, точно говорило, что Сандро задумал что-то тако-о-е…

Несмотря на то что он был почти на семь лет старше меня и достиг рубежа в сорок лет без двух годочков, любил великий князь и пошутить, и я бы даже сказал, похулиганить. Видимо, шесть детей в возрасте от полутора до девяти лет наложили определённый отпечаток на их папашу. Он часто вспоминал про них и их проказы.

– Войдите, ваше высочество, – принимая на стуле величественную позу, шутливо ответил я.

– Я тут не один. К вам посетитель, – ответил Сандро и, приоткрыв дверь шире, выставил из-за неё маленького бутуза, одетого в форму Амурского казачьего войска.

Я ошеломлённо застыл. Только вчера вечером разговаривали с князем о детях, и я жаловался, что через неделю, 20 июня, сыну исполнится два года, а я его в общей сложности видел не больше трёх-четырёх месяцев.

И вот сейчас передо мной стоял и хмурился, как всегда перед тем как заплакать, мой наследник – Василий Тимофеевич Аленин-Зейский. Я осторожно поднялся со стула и сделал пару шагов к ребёнку, который, увидев мои перемещения, заревел и, развернувшись, попытался сбежать. Но его перехватил Сандро. А потом я узнал любимые руки, подхватившие Василька, и затем в комнату зашла моя жена с сыном на руках.

– Что, папа, не ожидал нас увидеть? – хрипло произнесла Маша, глядя на меня со слезами на глазах, успокаивая покачиваниями ребёнка. – А мы, кстати, не одни.

Жена отошла от двери, в неё быстро прошмыгнули трое казачат с явно китайскими корнями в крови, а следом вошла зеленоглазая красавица-брюнетка в зелёном же роскошном платье с богатым, драгоценным набором из сережек, колец и колье из изумрудов, бриллиантов и золота.

– Алёна? – неверяще прошептал я, узнавая и не узнавая в этой стройной красавице, одетой по последней петербургской моде, родную сестру.

– Здравствуй, брат. Дети, познакомьтесь, это ваш дядя Тимофей, мой родной брат.

– Здравствуйте, дядя Тимофей, – хором произнесла троица, а потом самый мелкий спросил с заметным акцентом:

– А это ты Ермак?

– Я, – ответил ему, улыбнувшись.

– А где твои награды и мундир? – задал вопрос неугомонный малыш, рассматривая мой длинный китайский халат с драконами, под которым скрывалась перевязанная грудь, легкие брюки и тапочки. Так сказать – больничный наряд на дому.

– Завтра увидишь. А тебя Фанг зовут? – решил я перехватить инициативу.

– А ты откуда знаешь? – удивился младший из племянников.

– Мама твоя в письме написала. Ну, здравствуйте, любимые мои! Не ожидал такого подарка! – я подошёл и обнял жену с сыном.

Сбоку пристроилась сестра, а племянники окружили нашу застывшую скульптуру. Сандро продолжал стоять в дверях с какой-то задумчивой улыбкой на лице.

Через пару минут бессвязных вопросов и ответов, во время которых выяснилось, что жена с сыном заехали в станицу Черняева, где уже восьмой месяц «гостила» Алёна с племянниками, забрала их, и они все вместе приехали во Владивосток. Если муж и брат, как гора, не идёт к Магомету, то значит, надо самим ехать к нему. А то можно и вообще его не увидеть. Два тяжёлых ранения меньше чем за год – это уже тенденция.

Под эти упрёки переместились в обеденный зал, где слуги уже накрывали на стол. Их всех Сандро привёз с собой из Санкт-Петербурга. Во-первых, проверенные дворцовой полицией до третьего колена, во-вторых, он к ним привык, особенно к повару. Такую поблажку великий князь из семейства Романовых мог себе позволить.

Во время обеда в домашней обстановке выслушали новости из столицы. У царской пары всё отлично на семейном фронте. Месяцев через семь у них появится ещё мальчик или девочка.

За эту новость я и Сандро выпили стоя. Он – коньяка, а я – красного сухого вина. Кислятина, но полезно для роста кровяных телец в крови.

У Ксении и детей также всё хорошо. Мария привезла целую папку рисунков, где Ирина, Андрей, Фёдор, Никита, Дмитрий и даже полуторагодовалый Ростислав изобразили своего папку на войне. У Сандро слезы на глаза навернулись, когда он рассматривал эти художества.

По словам Марии, через неделю или чуть позже во Владивосток выедет делегация для мирных переговоров с Японией. Возглавит её брат государя Михаил, а в состав войдут великий князь Николай Николаевич, брат Сандро Сергей, сам Александр Михайлович, барон Розен, вице-адмирал Макаров.

Я тоже оказался в составе делегации как лицо, отвечающее за её охрану с момента прибытия во Владивосток. Эту новость жене сообщила государыня, а приказ государя вот-вот придёт в крепость. Мне придётся организовать охрану перехода на броненосце «Цесаревич» в Токийский залив, безопасность делегации в Токио и при возвращении обратно во Владик и Санкт-Петербург.

– Я все твои награды, Тимофей, привезла и новый парадный мундир. Только его, наверное, ушивать придётся, – жена с жалостью посмотрела на меня и всхлипнула.

– Всё хорошо, Машенька. Как говорится, были бы кости, а мясо нарастёт, – я с нежной улыбкой посмотрел на любимую, а потом повернулся к великому князю:

– Александр Михайлович, надо срочно отозвать во Владивосток отряд капитана Кононова, а также привезти скрытно всех остальных боевых пловцов из Тронгзунда.

– Опасаетесь нападения на «Цесаревич»? – улыбка, с которой Сандро ухаживал за столом за Алёной, сошла с его лица.

– Англичане далеко не дураки и, думаю, уже догадались, каким образом мы топили их корабли. И могут ответить тем же, чтобы не допустить нашего мира с Японией, – задумчиво ответил я.

В этот момент в наш разговор вмешалась Мария:

– Господа, может быть, рабочие моменты обсудите после обеда, а лучше вообще завтра или в понедельник. Сегодня – день нашего приезда, завтра – воскресенье. В офицерском собрании будет театральное представление. Хотя какое представление. Ты же, Тимофей…

– Всё нормально, дорогая. Два-три часа офицерского собрания выдержу. Я уже работаю за столом по четыре-пять часов с перерывами. Но отдыхать – не работать. Раны уже заросли, швы сняли, мышцы силы набирают. А повязки с мазью – это всё Бутягина Мария Петровна со своими медицинскими экспериментами. Что-то создаёт такое для быстрого заживления ран

и последующего их лечения. Только в эту мазь деготь входит. Вонючая – ужас! Хорошо, что сегодня последняя перевязка, – я передёрнул плечами.

Этот запах, как у мази Вишневского, преследовал меня последние пару недель. Честно говоря, из чего состояла мазь Вишневского, я ни сном, ни духом, но помнил её запах, который давал дёготь, и то, что во время Великой Отечественной войны её использовали при лечении загнивающих ран.

Вот и здесь Мария-Марфа сделала что-то такое, что вызвало удивление у медицинских светил Владивостока. Раны на мне зажили как на собаке. Очень быстро, без нагноений. И сегодня вечером меня избавят наконец-то от этой мази. А то хоть в офицерское собрание не иди из-за этого запаха.

– А я-то думала, чем от тебя так пахнет, – усмехнулась супруга. – Очень было похоже на запах от сапог, когда их дегтем смажут. Только сапог-то на тебе нет.

Машенька заразительно засмеялась, к ней присоединилась сестра, потом дети, а потом и мы с Сандро. С этим смехом из нас выходила та напряжённость, которая возникла при встрече.

Дальше пошли рассказы о семье Беневских. Аркадий Семёнович уже начал ходить на службу в Государственный совет. Нина Викторовна вся ушла в заботы по доходному дому и квартирам. Иван вернулся в своё имение, чтобы дальше совершенствовать свою коммуну. Перед возвращением месяц прожил в моем имении в Курковицах, общаясь с Сазоновым и изучая процесс посевной.

Алёна рассказала, как она жила всё это время в станице Черняева. Чан Шунь в ноябре прошлого года прислал ей письмо, чтобы она пока не возвращалась в Китай, а пожила в станице. С письмом прислал приличную сумму денег. Так что «китайская генеральша» Ли Чан Куифен, или Алёна Аленина, вместе с детьми и своим сопровождением всё это время прожили в Ермаковской пади, где буквально за пару недель из высушенного леса на старом месте казаки станицы Черняева всем миром, не бесплатно, конечно, отгрохали обширную и богатую усадьбу.

Мне даже несколько фото показали. Маша с собой карманный «кодак» привезла. По дороге фотографировала, а в Благовещенске плёнки потом проявили и сделали фото. В общем, на родовом месте в пади теперь стоял крепкий домина в восемь окон по фасаду, под кровельным железом, со всеми пристройками в виде скотного двора, курятника, овина, амбара и прочего. И всё за хорошим и высоким частоколом, который с ходу и с коня не перепрыгнешь. Одним словом, дом-крепость получился, но красивый, с резными наличниками, ставнями и кружевной резьбой по фасаду.

В доме для охраны теперь живёт старший внук Селивёрстова Петра Никодимовича, двадцатилетний Пётр Степанович, названный в честь деда. Он не устоял перед красотой одной из служанок Алёны и женился на ней. Сестра дала в приданое Джиао, имя которой переводится как «изящная, прекрасная», двести рублей золотом, что смирило бывшего атамана с выбором внука. А когда молодожёнов поселили в Ермаковской пади в новом доме для присмотра за ним, думаю, Пётр Никодимович и вовсе успокоился.

Дом, который мне в станице построили уже давно, его семье отошёл. Чувствую, по традиции и этот дом к ним уйдёт. Да и не жалко. Селивёрстовы мне настоящей роднёй стали. Жалко только – видимся редко. И когда в очередной раз встретимся, неизвестно.

После обеда началась суета с заселением и разбором вещей. Я примерил мундир, который сел, в принципе, нормально. Оказывается, незаметно за последний год сальца я набрал, а теперь, похудев, легко влез в свои парадные одежды, которые в последнее время надевал не часто.

Разместил на форме все свои награды. Орден Святого Георгия IV степени, за ним Владимира IV степени, затем Анны III и Станислава III, следом две медали «За храбрость», золотую и серебряную, звезду ордена Святого Станислава I степени. Завтра ленту этого ордена при-

дётся надевать, плюс орден Святого Владимира III степени с мечами на шею, по борту пустим «Анну на шее», рядышком крест – орден Станислава II степени. Теперь иностранцев прикрепим: японский орден Восходящего солнца IV степени, германский орден Красного Орла IV степени, ну и не забуду, конечно, шашку с золотым эфесом и надписью «За храбрость» с георгиевским темляком и крестом Анны IV степени.

С эполетами генерал-майора Свиты его величества буду выглядеть представительно, несмотря на бледно-зелёное личико. Все свои награды я надевал всего пару раз, когда того требовал дворцовый этикет. Обычно носил только Георгия и Владимира с медалями, как того требовал их статут.

– Любуешься? – врасплох застала меня супруга, которая в соседней комнате укладывала Василька спать для послеобеденного сна.

Я в этот момент, отпоров старый погон, примеривал генеральский эполет. Спасибо, супруга всё догадалась привезти. Всё-таки дочь генерала, а теперь и жена. Неплохо так в двадцать два года генеральшей стать. Да и генерал-майор, да ещё и Свиты его величества, в тридцать один – очень даже ничего.

В том, моём прошлом-будущем в этом возрасте я ещё капитаном ходил, а майора без приставки генерал получил досрочно, вместе с орденом Мужества за первую кампанию в Чечне. Мне тогда только-только тридцать три стукнуло. Для спецназа это считалось очень даже хорошим карьерным ростом.

– Прилаживаю, чтобы прихватить. Завтра же в офицерское собрание идти. Надо соответствовать новому званию, – улыбаясь, ответил я, любуясь женой.

– Помочь? Я умею. Отцу пришивала, не давая это делать слугам, – Маша подошла и села на кровать рядом со мной.

Я чуть сдвинулся вбок, поднимая мундир, на котором звякнули награды.

– Или, может, чем-нибудь другим займёмся, пока Василёк спит? – супруга запунцовела щеками, но взгляда не отвела.

То, что прочитал в её глазах, заставило меня просто впиться в её губы.

На следующий день был поход в офицерское собрание. В преддверии капитуляции Японии, в которой уже никто не сомневался, в этот воскресный день в собрании присутствовал весь высший и военный свет Владивостока.

Генерал-губернатор Приморья, генерал-лейтенант Гродеков и командующий морскими силами Тихого океана вице-адмирал Макаров вместе с Сандро возглавляли это собрание. Офицеры эскадры и крепости, небольшое количество их жён медленно перетекали из комнаты в комнату большого двухэтажного здания, которое было построено в 1900 году.

Наша небольшая группа, состоящая из меня, жены, сестры и Сандро, была одним из центров людских водоворотов. Всем надо было отметиться перед великим князем, а заодно и удовлетворить своё любопытство о верности слухов о моём награждении, новом звании, приезде жены и таинственной сестры.

То, что Алёна – это Ли Чан Куифен, вдова командующего армии провинции Гирин и невестка генерал-губернатора этой же провинции, мы постарались сохранить в секрете. Но слухи за восемь месяцев, пока Алёна «гостила» в станице, расползлись по Приамурью.

В связи с этими слухами Алёна и Маша стали «звёздами» этого собрания, одетые по последней столичной моде. О платьях для сестры супруга позаботилась заранее.

Сестра в зелёном, под цвет глаз бальном платье, с высокой причёской, золотой диадемой; колье, сережки, кольца, браслет – с изумрудами и бриллиантами. Рядом – супруга в синем, также под цвет глаз, платье, такие же украшения, но с сапфирами. Эти старинные драгоценности, принадлежащие семье Чан, были переданы деверем Алёне, а сестра поделилась комплектом с сапфирами с Машей. Надо будет на что-то подобное разориться, побаловать супругу.

Только стоит подобное… У-у-у… У меня перед глазами встала большая зелёная жаба с лапами, готовыми вцепиться мне в горло.

В общем, женщины выделялись. При этом если светловолосая Мария приковывала внимание своей раскованностью и в то же время аристократизмом, то брюнетка Алёна, воспитанная при дворе китайского генерал-губернатора, была сама скромность, вежливость и подчинённость. И эта контрастность с блеском драгоценностей притягивала к себе окружающих, причем не только мужчин.

– Позвольте поздравить, Тимофей Васильевич, с новым чином и наградами, – генерал Гродеков протянул для пожатия руку.

– Присоединяюсь к Николаю Ивановичу, – проговорил адмирал Макаров, также пожимая мне руку.

– Есть ли какие новости из Санкт-Петербурга? – спросил губернатор и, взяв меня за предплечье, жестом предложил отойти в сторону.

За нами проследовал Макаров. Сандро, ухмыльнувшись, показал, чтобы я не беспокоился за дам, а потом взял на себя капитана 1-го ранга Эбергарда, который прибыл из ставки Алексеева, чтобы принять командование над броненосцем «Цесаревич».

Андрей Августович – известный холостяк, о котором ходили разные слухи. По одним он был ярко выраженным женоненавистником, а по другим – любовником некоторых известных в свете дам. При этом он был человеком адмирала Алексеева. А «Цесаревичем» сейчас командовал капитан 2-го ранга Васильев – ученик и соратник Степана Осиповича. А между Евгением Ивановичем и Макаровым с самого начала их общения чёрная кошка пробежала. Вот Алексеев, используя своё положение, и совершал некоторые каверзы в отношении непокорного адмирала.

Между тем, отойдя в сторону, я довел до генерала и адмирала слухи, привезённые женой. Тут же попросил Степана Осиповича со своей стороны посодействовать в возвращении команды Кононова и переправки во Владивосток из школы остальных боевых пловцов.

– Думаете, англичане захотят использовать аналогичный способ минирования корабля? У них есть такие средства? – заинтересованно спросил Макаров.

– Господин вице-адмирал, мне сообщили из столицы, что больше двух месяцев назад вокруг Тронгзунда, где располагается школа боевых пловцов, начали активно работать финны, пытаясь получить хоть какую-то информацию. Большое количество нарушений охраняемого периметра обычными рыбаками и жителями Суоми, попытки споить офицеров, унтер-офицерский состав в ресторанах и трактирах Выборга, настойчивые потуги подложить под них женщин, – я с силой выдохнул. – Всё это говорит о том, что англичанам стало известно о наших «тюленях». А с учётом того, как накалилась социально-политическая обстановка в Финляндском княжестве, не исключаю провокаций в отношении офицеров базы, вплоть до попыток похищения.

– Всё так серьёзно, Тимофей Васильевич? – удивлённо спросил Гродеков.

– Николай Иванович, – с генерал-губернатором я из-за нашего долгого знакомства получил право разговаривать без чинов в приватной обстановке, – мне прислали краткие выжимки из доклада государю министра МВД Плеве. Если кратко, то Вячеслав Константинович сильно обеспокоен растущим недовольством среди финских националистов и революционно-либеральной общественности России в связи с проводимой объединительной политикой в Великом княжестве Финляндском. Есть большая вероятность вооружённых беспорядков, вплоть до восстания. По имеющейся информации, американцы и британцы начали оказывать большую финансовую помощь всем этим революционным движениям.

– Каким образом? – перебил меня Макаров.

– Частным, господин вице-адмирал, – ответил я.

– Без чинов, Тимофей Васильевич. Что значит частным? – удивлённо спросил адмирал.

– Степан Осипович, в 1899 году покойный государь Александр Третий подписал манифест, которым утвердил право монарха издавать обязательные к исполнению на территории Финляндии законы без согласования с сеймом и сенатом страны. Далее последовал Манифест о языке в 1900 году, объявивший русский язык официальным языком финской администрации наряду с финским и шведским. В 1901 году был принят Закон о военной службе, ликвидировавший отдельные финские воинские формирования и включивший финских солдат в состав русской армии на общих основаниях. Финнов, после почти ста лет автономного существования, такое закручивание гаек явно не устраивало и вызвало возмущения в финском обществе и огромную волну эмиграции жителей княжества в Англию и в САСШ. По последним данным, на январь 1904 года из Финляндского княжества эмигрировало почти двести тысяч человек.

– А при чём тут частное финансирование? – перебил меня адмирал.

– С отслеживанием финансирования революционных организаций на территории Российской империи со стороны Японии и Англии мы как-то упустили образование множества общественных организаций, которые образовались для экономической поддержки процесса эмиграции из княжества. Пароходы компании Finnish Steamship Company Lfds. осуществляют сообщение между Ханко, Копенгагеном и британским Халлом, откуда эмигранты следуют в Ливерпуль, где их ждут трансатлантические суда известных пароходных компаний. Деньги для помощи эмигрантам для этого переезда поступали от частных лиц чуть ли не со всего мира, но в основном из Англии и САСШ. А вот когда додумались проанализировать эти финансовые потоки, то схватились за голову, – я перевёл дух.

Давно столько много не говорил. Губернатор и адмирал молча ждали продолжения моего рассказа.

– Денег оказалось значительно больше, чем надо для оплаты переезда за океан финских эмигрантов. Особенно за последние полгода, – продолжил я. – Мало того, отмечено, что в последние два месяца в княжество стали возвращаться из Англии финны возрастом от двадцати пяти до тридцати лет, отсутствовавшие на родине от полугода до года, и они стали организовывать отряды охраны – шюцкоры.

– Вы знаете, Тимофей Васильевич, а мне это напоминает фениев в Ирландии. Кстати, государь ещё не решил признать эту республику? – на этот раз меня перебил Гродеков.

– По поводу признания Ирландской республики мне ничего не известно. А вот то, что организация финского национально-освободительного движения, как по кальке, напоминает происходившее в Ирландии, мне тоже бросилось в глаза. Такое чувство, что англичане и американцы решили использовать наш опыт, – я хмыкнул. – Ну, да ничего, разберемся с этой проблемой. Генерал Бобриков[15]не даст развернуться шюцкору.

– Насколько до меня дошла информация, десять дней назад – 3 июня – сын бывшего финляндского сенатора Эйген Шауман в здании Финляндского сената пытался стрелять из пистолета в Николая Ивановича, но охрана генерал-губернатора оказалась быстрее и застрелила Шаумана. – Гродеков разгладил пальцем усы, сверкнув при этом стёклами очков. – В Хельсинки националисты пытались организовать демонстрацию протеста, но генерал Бобриков жёсткими действиями пресёк это выступление, включая действие военно-полевых судов. Говорят, что государь отправил в княжество несколько казачьих полков.

– Меня, господа, честно говоря, больше волнуют Туркестан и Памир. По последним данным, британцы вдоль памирской границы скапливают сухопутные войска. Как назло, генерал-губернатор Иванов скончался, и Туркестан, можно сказать, остался без головы…

И тут меня перебила жена:

[15] Генерал-адъютант Бобриков Николай Иванович – финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа с 1898 года.

– Ваши превосходительства, вы так увлеклись беседой, что пропустили приглашение в зал. Скоро начнётся представление.

– Мария Аркадьевна, мои искренние извинения. Если муж позволит… Окажите честь, – Гродеков с полупоклоном изящно предложил жене свою правую руку. Нам оставалось со Степаном Осиповичем только последовать за ними.

Сегодня в офицерском собрании «Товарищество драматических и оперных артистов под управлением Кнауф-Каминской и Тальзатти» представляло публике оперетту Жака Оффенбаха «Перикола, или Птички певчие». Мария Кнауф-Каминская аккомпанировала, а её сестра Анна и Владимир Тальзати-Чиколини исполняли роли первого плана.

С этим «товариществом» я познакомился ещё в 1894 году, когда был личником у наместника Дальнего Востока – цесаревича Николая Александровича. С тех пор эта тройка почти постоянно проживает на Дальнем Востоке. И их музыкальные возможности не вызывают сомнений даже у знатоков музыки. Так что насладимся искусством.

Глава 6
Переговоры

Президент Соединённых Штатов Теодор Рузвельт сидел перед камином в своём загородном доме. В конце девятнадцатого века несколько застройщиков приобрели большие участки сельскохозяйственных угодий и леса в близости от Нью-Йорка, рядом с тихим городком Флэтбуш, и начали осваивать эти территории, застраивая их просторными жилыми загородными домами в викторианском стиле с умиротворяющими загородными пейзажами вокруг.

Будучи шефом полиции Нью-Йорка, Рузвельт приобрёл готовое под ключ строение в 1896 году и очень любил его за то спокойствие и тишину, которые дарил этот дом-замок. Особенно расслаблению от нервного напряжения способствовали и огонь в камине первого этажа, и любимый коктейль «Сухой мартини». В холодный стакан наливается шестьдесят миллилитров джина, десять мартини. Всё тщательно перемешивается и украшается оливкой.

Вот и сейчас Теодор наслаждался минутами тишины, вдыхая аромат коктейля и делая мелкие глотки, буквально смачивая язык и губы. Президент приехал в загородный дом ещё вчера, по официальной версии, чтобы дать себе немного отдыха от предвыборного марафона, который уже шел полным ходом. На самом же деле сегодня здесь состоится встреча с теми людьми, которых можно было бы назвать неофициальной властью Америки и которые хотели иметь этой власти ещё больше.

Только став президентом, Теодор узнал, какое влияние на международные события у этих людей, хотя в политике находился достаточно долго. Скоро стукнет четверть века, как он был впервые выбран членом Ассамблеи легислатуры Штата Нью-Йорк, став самым молодым представителем этого двухпалатного законодательного органа.

Теодор усмехнулся про себя, вспоминая, каким он был наивным тогда. Наверное, только смерть жены после вторых родов и матери от брюшного тифа в 1884 году заставили его взглянуть на свою жизнь по-другому. Оба любимых человека умерли в один день – 14 февраля, в День Святого Валентина. «Свет погас. Моя жизнь окончена», – написал он тогда в своём дневнике.

Эти две смерти заставили бросить работу в Нью-Йорке и, чтобы забыться, купить ферму в штате Дакота. Но долго работать на земле Рузвельт не смог и вернулся в родной город, чтобы за короткое время сделать головокружительную политическую карьеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.